

**ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ
ЛЕКСИКОГРАФИИ
(Тринадцатые Шмелевские чтения)**

**Тезисы докладов международной
конференции**

(23–25 февраля 2020 г.)

**Москва
2020**

Редакционная коллегия:
*А. В. Занадворова, Е. В. Какорина, Л. П. Крысин,
Н. Н. Розанова, Р. И. Розина*

Ответственный редактор *Л. П. Крысин*

Оглавление

<i>Базаров Е. Э.</i> (Москва, ИРЯ РАН). <i>Уже год, как...</i> или <i>Уже как год...</i> : об одной неканонической конструкции разговорной речи.....	5
<i>Балашова Л. В.</i> (Саратов). Место разговорной речи в формировании концептуальных моделей метафоризации.....	6
<i>Баранов А. Н., Добровольский Д. О.</i> (Москва, ИРЯ РАН). Ограничения на образование числа именного компонента русских идиом	8
<i>Басалаева Е. Г., Булыгина Е. Ю., Трипольская Т.А.</i> (Новосибирск) Стилистическая квалификация разговорной лексики в Базе данных прагматически маркированной лексики русского языка.....	9
<i>Богданова-Бегларян Н. В.</i> (Санкт-Петербург, СПбГУ). Повседневная речь: словарь vs. словари	10
<i>Богуславская О. Ю.</i> (Москва, ИРЯ РАН). Диминутивы, утратившие компонент субъективности	13
<i>Брагина Н. Г.</i> (Москва). Клише эмпатии в повседневной речи	14
<i>Букринская И. А. Кармакова О. Е.</i> (Москва, ИРЯ РАН). Любительские диалектные словари как лингвистический источник	15
<i>Вардиц В.</i> (Потсдам, Universität Potsdam). К проблеме социолингвистического варьирования языка русской диаспоры: повседневная речь=разговорная речь?.....	17
<i>Вепрева И.Т., Михайлова О.А.</i> (Екатеринбург). Аксиологическая составляющая повседневной речи: попытка лексикографического описания	18
<i>Галактионова И. В, Птенцова А. В.</i> (Москва, МГУ). Слово <i>повседневный</i> : синхрония и диахрония.....	19
<i>Голанова Е. И.</i> (Москва, ИРЯ РАН). Окказиональное и узуальное в толковых словарях повседневной речи (на материале ТСРР).....	21
<i>Дементьев В. В.</i> (Саратов). Активный способ метафоризации в современной разговорной речи (бессуфиксальные отглагольные дериваты).....	23
<i>Ермакова О. П.</i> (Калуга). Лексикографические размышления и некоторые семантические процессы в лексике	24
<i>Ерофеева Е. В.</i> (Пермь, ПГНИУ). Словарь социолекта любителей «Формулы-1»: принципы лексикографического описания речи субкультуры	25
<i>Ерофеева Т. И.</i> (Пермь, ПГНИУ). Локальные лексические элементы в повседневной литературной речи: опыт составления глоссария пермских локализмов	27
<i>Занадворова А.В.</i> (Москва, ИРЯ РАН). «Компьютерная» лексика в Толковом словаре русской разговорной речи (ТСРР).....	29
<i>Иссерс О. С.</i> (Омск, ОмГУ). Проекты «слово года» как источник для пополнения словника и иллюстративного материала толкового словаря повседневной речи	30
<i>Какорина Е.В.</i> (Москва, ИРЯ РАН) Семантический потенциал звукоподражаний (на материале ТСРР)	33
<i>Каленчук М. Л.</i> (Москва, ИРЯ РАН). Повседневная речь vs разговорная речь: фонетические аспекты проблемы.....	35
<i>Краузе М.</i> (Университет Гамбург). Активный лексикон русско-немецких билингвов и русскоязычных монолингвов (на материале наименований по картинкам и рассказов по картинкам).....	36
<i>Козеренко А. Д.</i> (Москва, ИРЯ РАН), <i>Крейдлин Г. Е.</i> (Москва, РГГУ). От речи – через жесты – к молчанию, и наоборот (местоимённые и междометные фразеологические комплексы в русских устных и письменных диалогах)	37
<i>Крылова Т. В., Тимошенко С. П.</i> (Москва). Краткие формы прилагательных в кодифицированном литературном языке, устной речи и устно-письменных текстах.....	39
<i>Крысин Л. П.</i> (Москва, ИРЯ РАН). Повседневная городская речь и разговорная речь: сходства и различия	41
<i>Кулева А. С.</i> (Москва, ИРЯ РАН). К вопросу о лексикографировании названий растений.....	43

<i>Левонтина И. Б.</i> (Москва, ИРЯ РАН). <i>Мало сказать и мало того</i> : непохожие похожие...44	44
<i>Летучий А. Б.</i> (Москва, НИУ ВШЭ, ИРЯ РАН). Нестандартное оформление глагола в разговорных конструкциях с союзом <i>чтобы</i>46	46
<i>Львова С. О., Сиротинина О. Б.</i> (Саратов). Роль среды в разговорных новообразованиях в неофициальном общении48	48
<i>Мечковская Н. Б.</i> (Минск). Обоснования оценок и побуждений в повседневной речи: грамматическая и смысловая размытость в соединении с лексико-фразеологической эмфазой.....50	50
<i>Михайлюкова Н. В.</i> (Владивосток, ДВФУ). Повседневные речевые практики жителей современного дальневосточного города52	52
<i>Никишина Е.А.</i> (Москва, НИУ ВШЭ, ИРЯ РАН). Дискурсивные маркеры – регуляторы устной речи (<i>по</i>) <i>слушай</i> , (<i>по</i>) <i>смотри</i> , (<i>по</i>) <i>стой</i> и особенности их употребления.....52.	52
<i>Николина Н. А.</i> (Москва, МПГУ), <i>Петрова З. Ю.</i> (Москва, ИРЯ РАН). Метафоры повседневной речи в зеркале современной русской художественной прозы.....55	55
<i>Пестова А. Р.</i> (Москва, ИРЯ РАН). Динамика стилистического статуса существительных на <i>-ка</i> – названий помещений.....57	57
<i>Приемышева М. Н.</i> (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН). Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания58	58
<i>Протасова Е. Ю.</i> (Хельсинки). Эмигрантская речь о еде.....59	59
<i>Ратмайр Ренате</i> (Вена) Как в повседневном общении говорят о болезнях?62	62
<i>Розина Р. И.</i> (Москва, ИРЯ РАН, РГГУ). Крохотки: о том, чего нет в «Толковом словаре русской разговорной речи»63	63
<i>Сандакова М. В.</i> (Нижний Новгород). Нереально красиво (интенсификаторы как объект лексикографирования).....64	64
<i>Склярёвская Г. Н.</i> (Санкт-Петербург). Словарь русского языка XXI века как потенциальный источник словаря русской разговорной (повседневной?) речи.....66	66
<i>Смирнова Е. А.</i> (Москва). Лексикографическое представление соотношения нейтральных и разговорных значений производных слов на <i>-ак/-як</i>68	68
<i>Цесарская А. Е.</i> (Владивосток, ДФУ) Явление автокоррекции в устных формах речи.....69	69
<i>Черняк В. Д., Носова Н. П.</i> (Санкт-Петербург). «А что у вас?»: элементы детского чтения в обыденной коммуникации.....71	71
<i>Шаврина Т. О.</i> (Москва, НИУ ВШЭ, Сбербанк), <i>Ляшевская О. Н.</i> (Москва, НИУ ВШЭ) Универсальные модели на корпусах повседневной речи как новые инструменты лексикографии72	72
<i>Шаронов И. А.</i> (Москва, РГГУ). Реплики-повторы и коммуникативы.....75	75
<i>Шарыкина О. А.</i> (Москва, ИРЯ РАН). Проблемы изучения разговорной речи в школе (на примере заданий ОГЭ и ЕГЭ по русскому языку).....76	76
<i>Шестакова Л. Л.</i> (Москва, ИРЯ РАН). Разговорная лексика в составе авторского словаря77	77
<i>Шилихина К. М.</i> (Воронеж, ВГУ). Полифункциональность и условия употребления конструкций <i>строго говоря, собственно (говоря)</i> в устной речи, в корпусе и в словаре....79	79
<i>Шмелев А. Д.</i> (Москва, ИЯР РАН). Разговорные и просторечные «общие» слова в нормативных словарях81	81
<i>Шмелева Е.Я.</i> (Москва, ИРЯ РАН). Проблемы формирования словника «интертекстуального тезауруса современного русского языка»82	82
<i>Юнаковская А. А.</i> (Омск). Городская повседневная лексикография: основные типы словарей.....83	83
<i>Янко Т. Е.</i> (Москва, ИРЯ РАН, ИРЯ им. А.С. Пушкина). Просодия вопросов с <i>давно, долго и далеко</i>85	85
<i>Янурик Сабольч</i> (Будапешт). Проблемы лексикографического представления глаголов-англицизмов в русском языке последних лет86	86

УЖЕ ГОД, КАК... ИЛИ УЖЕ КАК ГОД...: ОБ ОДНОЙ НЕКАНОНИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

С некоторых пор в русской разговорной речи (особенно в речи молодых носителей языка) стала получать распространение – пусть, возможно, и не столь широкое – одна весьма нетривиальная и грамматически некорректно оформляемая синтаксическая конструкция с временным значением.

Речь идет о предложениях типа:

- (1) «**Вот уже год, как** она ослабела и не могла говорить громко»
(К. Паустовский. Телеграмма);
- (2) «**Уже неделя, как** все тузы из города укатили на ярмарку»
(Е. И. Замятин. Русь).

Подобная модель построения сложноподчиненного предложения (частица **уж/уже** + количественно-именная группа со значением времени + союз **как**, оформляющий придаточную часть предложения) является грамматически правильной, или канонической. Однако в последнее время в разговорной речи всё чаще можно услышать высказывания такого рода (примеры из блогов):

- (3) *Я на Бабушкинской работаю, и **вот уже как вторую неделю** хочу подстричься и боюсь к незнакомому парикмахеру...* (Блоги, 2005 // НКРЯ);
- (4) *Возможно, «начинается» актуально для провинции, т.к. в крупных городах (в спб точно) все вышеописанное происходит **уже как 2 года*** (<https://thequestion.ru>).

Как видно из приведенных выше разговорных примеров, каноническое употребление рассматриваемых синтаксических конструкций отличается от неканонического тем, что вторые имеют структуру «частица **уж/уже** + подчинительный союз **как** + именной компонент». Союз **как** не следует за количественно-именной группой и не служит для оформления придаточной части, а как бы разрывает синтаксическую связь между частицей и именем.

Носителю языка, задавшемуся вопросом «Как же всё-таки правильно оформить подобное предложение?», обращение к толковым словарям (МАС, словарь С. И. Ожегова, «Большой толковый словарь» (БТС) под ред. С. А. Кузнецова, Н. Ю. Шведовой (2008), «Комплексный словарь» под ред. А. Н. Тихонова и др.), скорее всего, дало бы незначительный результат. Конечно, указанные словари фиксируют временной союз **как** (в этом случае зона грамматической информации снабжается пометой вроде «*присоединяет придат. времени*» [БТС, с. 410]), с различной степенью подробности описывают лексико-семантические особенности союза (в этом отношении МАС, как нам кажется, содержит самую детальную информацию). Однако в качестве иллюстративного материала предложения рассматриваемого типа

(именно с частицей **уже**) не приводятся. Разумеется, подобное наблюдение ничуть не умаляет достоинства перечисленных словарей, являющихся классикой отечественной лексикографии.

Рассматриваются такие (что важно – только канонические) конструкции и в нормативных грамматиках. В «Русской грамматике» эти предложения выделяются в особую разновидность СПП расчлененной структуры с синтаксически ограниченной структурой, поскольку придаточная часть зависит от безглагольного именного предложения. При этом в примечании написано, что именная конструкция в таких предложениях «обнаруживает тенденцию к утрате предикативности» и используется как детерминирующее сочетание: «А я уже два дня как приехал» [РГ, с. 547].

Возможно, неканоническое употребление таких предложений в современной разговорной речи является своего рода новым витком в процессе утраты именным компонентом предикативности. В докладе предполагается более подробно рассмотреть словарное описание таких конструкций, особенности их употребления в разговорной речи с привлечением обширного языкового материала (надо сказать, что они отмечаются уже в публицистических и даже художественных текстах), который отражает различные попытки синтаксического и пунктуационного оформления таких высказываний.

Литература

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2001.

РГ – Русская грамматика: научные труды. Т. II. Синтаксис / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан и др. М., 2005.

Л. В. Балашова (Саратов)

МЕСТО РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ

Исследование метафорической составляющей современного русского языка показывает, что разговорная речь занимает в ней значительное место, причем данный процесс носит системный и концептуальный характер. Проследим это на примере метафоризации в рамках СП «Имущественные и финансовые отношения» (СПИФО).

Анализ показывает, что абсолютное большинство переносов, фиксируемых в лексикографических источниках как разговорные, формируются в рамках общей языковой модели, представленной в нескольких вариантах: наличие определенного свойства осмысливается как «владение» данным свойством-«собственностью» (*обладать музыкальным*

слухом); отношения зависимости, обусловленности между двумя феноменами – как неравноправные отношения между «собственником» и его «собственностью» (*владеть собой*); степень проявления, значимость феномена – как его относительный «финансовый» эквивалент или «имущественный статус» (*богатый углеводами продукт; дешевый эффект*). При этом в семантическом аспекте разговорные метафоры соотносятся с общеупотребительными и книжными следующим образом.

Во-первых, разговорные члены метафорической подсистемы представляют собой сниженные синонимические или близкие к ним варианты общеупотребительных и книжных переносов, причем разговорные ЛСВ обычно более экспрессивные, оценочные (с тенденцией к негативной оценке – шутливо-иронические, пренебрежительные (ср.: *Дорогая, я немного спешу. – Тебя, дорогуша* (разг.), *между прочим, никто здесь не держит; Драматург то и дело скатывается к дешевым эффектам*. [«Фантомасиада»] *по прошествии десятков лет ... – дешевка дешевой* (разг.), *и даже великопленные Ж. Маре и Л. де Фюнес кишику не спасают*). Кроме того, разговорные единицы, как правило, противопоставлены близким по семантике общеупотребительным / книжным единицам по ряду дифференциальных признаков, часто акцентирующим внимание на бытовой, физиологической составляющей обозначаемого явления с негативным (пренебрежительным, презрительным) отношением к адресату (объекту). Наиболее регулярно это наблюдается в том случае, если первичный ЛСВ метафоры также является сниженным, разговорным (ср.: *Возможность обладать любимой женщиной доселе не представлялась его воображению. – Ведь многим, у кого нет женщины, захочется поиметь ее на халяву*).

Во-вторых, однотипные общеупотребительные / книжные и разговорные метафоры могут дифференцироваться по дистрибутивным потенциям, причем последние в большей степени ориентированы на выражение эмоциональной реакции на ситуацию, на личностном отношении к кому-, чему-л. (ср.: *сокровище* ‘духовные, культурные ценности, созданные человеком’, *сокровище, клад* (разг.) ‘обращение к любимому человеку; о ком-, чем-л. имеющем большую ценность для кого-л.’).

В-третьих, разговорные метафоры могут расширять семантико-когнитивные возможности реализации модели, формируя специфические (по сравнению с общеупотребительными / книжными единицами) значения. Данное явление наблюдается в рамках одного словообразовательного гнезда, одной семантической группы и т. п. Например, разговорные значения ‘обмануть; разыграть кого-л.’ ‘дать себя обмануть’ фиксируются только у бесприставочных глаголов *купить / купиться* (ср.: *Катя все время волновалась, купится ли референт на их уловку?*), тогда как их префиксальные дериваты данное значение не развивают (ср.: *покупать, подкупать*).

В-четвертых, именно при формировании разговорных переносов в рамках одной когнитивной матрицы с общеупотребительными / книжными

метафорами возможна смена прагматической оценки на диаметрально противоположную. Например, общеупотребительные и терминологические члены семантического ряда «Правовое отчуждение чьей-либо собственности» (с ущемлением интересов прежнего владельца) в разговорном переносном ЛСВ характеризуют неправоное присвоение чужой собственности, чужих прав и т.п. (ср.: *контрибуция* (разг., шутил.) ‘всякий побор, взятка, денежное взыскание’).

Следует отметить, что лексикографические источники не всегда точно отражают реальную дискурсивную картину; в частности, многие просторечные единицы, в том числе и метафорические ЛСВ, в языке XXI века функционируют в рамках разговорной речи литературного языка (ср.: *выторговать* (перен., прост.) ‘выговорить себе, получить уступку в чем-л.’).

А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский (Москва, ИРЯ РАН)

ОГРАНИЧЕНИЯ НА ОБРАЗОВАНИЕ ЧИСЛА ИМЕННОГО КОМПОНЕНТА РУССКИХ ИДИОМ

В докладе рассматриваются ограничения на реализацию категории числа существительных, входящих в состав идиом. В качестве основного источника материала послужил словарь «Академического словаря русской фразеологии» (2015). Показано, что ограничения на число определяются общеграмматическими факторами, факторами семантики (значения) идиом, а также особенностями прагматики и модели внутренней формы идиомы. Интересный случай запрета на образование множественного числа представляет собой характеристика референта идиомы: уникальность лица (*лучший друг советских физкультурников*), политического субъекта (*большая семёрка*), события (*великий октябрь*), уникальность места (*лобное место*), временного периода (*каменный век*). Запрет на образование единственного числа по большей части определяется грамматическими факторами (*именины сердца*).

На реализацию категории числа могут влиять также особенности организации структуры идиомы: наличие рифмы, ритмические характеристики и уникальные компоненты (устаревшие и фантазийные слова). Грамматические ограничения оказываются более регулярными, их можно предсказать. Некоторые семантические и прагматические ограничения иногда вычислимы. Однако значительная часть семантических ограничений и ограничений, связанных с моделью внутренней формы, действуют избирательно. При системном подходе к исследованию идиом регулярные факторы описываются общими правилами, а уникальные оговариваются для каждой идиомы. Исследование категории числа в идиомах представляет собой часть важной программы изучения реализации грамматических категорий во фразеологии.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ В БАЗЕ ДАННЫХ ПРАГМАТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Электронный словарь прагматически маркированной лексики русского языка включает единицы с идеологической, гендерной, национально-культурной и эмоционально-оценочной семантикой, которые зачастую нуждаются в специальной стилистической (разговорное, просторечное, обиходно-бытовое и др.) квалификации. В первую очередь это относится к лексике, в содержании которой доминирует эмоциональная оценка (*мрак, блять, вкалывать, ужас, балбес, нытик, мямля* и др.).

Создание лексикографических источников нового поколения, таких, как База данных прагматически маркированной лексики, позволяет включить в лексикографическое описание те семантические и стилистические элементы, которые определяют коммуникативное «поведение» слова, то есть соответствуют требованиям словаря активного типа.

Поскольку прагматически маркированное слово требует «большого словарного пространства», нам представляется целесообразной попытка создания электронного лексикографического ресурса. Электронные словари, имеющие систему навигации и обладающие свойствами гипертекста, способны представить разные зоны словарного описания в их взаимодействии (зону семантики, стилистики, прагматики, сочетаемости, принадлежности к определенному тематическому классу и др.). Кроме того, они позволяют осуществлять поиск слова по разным параметрам.

В современной лексикографии принята многоуровневая система помет, позволяющая зафиксировать разные характеристики лексической единицы. Обстоятельный обзор существующих экспрессивных и семантико-словообразовательных помет в толковых словарях русского языка дан в монографии петербургских лингвистов¹. Система же стилистических помет разговорного словаря и ее применение в практическом описании слова нередко оказываются противоречивыми и непоследовательными.

Традиционно в толковых словарях стилистические (*разговорное, просторечное, разговорно-обиходное, грубо-просторечное* и др.) и эмоционально-оценочные пометы используются одновременно, однако иногда стилистическая помета (без эмоционально-оценочной) призвана совмещать информацию о сфере употребления и о эмоционально-оценочной семантике, а иногда помета *презрительное* или *бранное* служит и показателем разговорного или просторечного употребления. Поэтому одной

¹ Круглов В. М., Истратий В. В., Гамирова Д. Р., Каплан Е. Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / отв. ред. В. М. Круглов. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 442 с.

из первостепенных задач в лексикографировании указанных лексем является разработка по возможности непротиворечивой системы стилистических помет в их соотношении с эмоционально-оценочными

Создание базы данных требует жесткой организации и высокого уровня формализации описания элементов. Поэтому созданию указанного электронного продукта предшествовала работа, направленная на выработку критериев отбора прагматически маркированного языкового материала и построение зон лингвистически релевантной информации. Кроме того, разработчиками учитывалось, что в качестве инструментов для пользователя должны выступить не только заголовочные единицы (леммы), но и элементы прагматической характеристики слов, что до настоящего времени не было представлено в существующих, в том числе и электронных, словарях. Для этого необходимо формирование системы лексикографических помет, круг которых был бы достаточно ограничен, с одной стороны, и максимально информативен, с другой.

Стилистические и семантические пометы включаются в соответствующую зону базы данных, в виде списка предъявляются пользователю в начале работы и становятся инструментом для поиска. Следовательно, искомый эмотивно-оценочный или стилистический компонент будет эксплицирован либо в толковании академических словарей (в первом блоке Базы данных представлены сведения из толковых словарей), либо в электронном словаре, содержащем информацию о слове с учетом современных динамических процессов.

Таким образом, создаваемая база данных позволяет относительно полно представить лексикографический портрет прагматически маркированного слова и отразить узуальные значения и случаи актуального семного и семантического варьирования, наличие и взаимодействие прагматических микрокомпонентов, их динамику, проявляющуюся в современной коммуникации, а также стилистическую характеристику исследуемых единиц.

Н. В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕЧЬ: СЛОВАРЬ VS. СЛОВАРИ²

Словарей нужно много, хороших и разных – с этим трудно спорить. И хорошо, что у нас их действительно много, и появляются все новые и новые: в рамках как прескриптивной, академической («отражение только тех фактов лексики и семантики, которые характерны для стандартного современного общелитературного, общеразговорного употребления как в его письменной, так и в устной форме; ничего индивидуального, ничего

² Исследование выполнено при поддержке гранта РФ (проект № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи»).

окационального» [Герд 1990: 29-30]), так и дескриптивной лексикографии, фиксирующей современное состояние различных диалектов, арго, социолектов и т. п. Думается, однако, что когда речь заходит о повседневной речи, то масштаб ее лексикографического описания должен быть сопоставим с тем, что мы имеем сегодня по отношению к языку. Это должен быть *академический словарь дескриптивного типа*, охватывающий все разновидности языка в его устной форме – именно так, устно, мы общаемся по преимуществу в повседневной жизни.

Источником для создания такого словаря должны быть, без сомнения, объемные речевые корпуса, которые позволяют описывать не только и не столько слова во всем многообразии их *возможных* значений, но реальные словоупотребления, то есть слова в дискурсе, где только и раскрываются их подлинные (*реальные*) значения. Такие употребления можно выстроить в словарной статье по реальной частоте их употребления и с привязкой к говорящему или к коммуникативной ситуации.

Так, обычный *хлеб* в «несловарных» значениях ‘кусоч хлеба’ (*есть сосиски с хлебом*) или ‘запас хлеба (в доме)’ (*булки нет в доме / есть только хлеб*) оказывается в нашей речи гораздо частотнее употреблений этого слова во всех других, словарных, его значениях. Для слов *девочка* и *девчонка*, к словарному значению ‘ребенок или подросток женского пола’ корпусные данные добавляют еще одно: ‘лицо одного возраста с говорящим’ – только для форм мн. ч. и только в женской речи: *по совету девчонок / они же опытные / всё знают // купила вчера <...> специальный антибиотик; я жалею / что я не пошла с девочками / девочки как раз ходили на концерт*. А для слов *мальчик/мальчики* таким «несловарным», но весьма распространенным значением оказывается ‘лицо одного возраста с говорящим или младше’ – в обеих числовых формах и только в женской речи: *охреть какой классный фильм // ну разочек можно посмотреть мальчикам*. Словарные статьи на эти (и многие другие) слова в словаре повседневной речи должны быть построены, как представляется, несколько иначе, чем в словарях кодифицированного языка.

Понятно, что создание такого словаря под силу разве что большому академическому институту, да и он вряд ли справится с этой задачей за короткое время. Именно поэтому представляется важным, не оставляя усилий по собранию и описанию словника такого большого словаря современной русской повседневной речи, сосредоточить внимание на разработке и издании небольших специальных словарей, построенных на материале повседневной речи.

Так, только что вышел небольшой словарь редуцированных форм русской речи, построенный на живом речевом материале [Стойка 2019]. Можно без преувеличения сказать, что это словарь уникальный, не имеющий аналогов в мировой лингвистической практике. Он предназначен «лингвистам широкого профиля, специалистам по изучению русской устной речи, а также преподавателям русского языка как иностранного и студентам-

иностранцам, изучающим русский язык, – для облегчения восприятия устной, а зачастую и письменной русской речи» [Там же: 2]. Этот словарь, конечно, отражает современное состояние нашей повседневной речи и может встать в один ряд с большим академическим словарем.

В другой специальный словарь могут войти такие исключительно частотные явления устной речи, как *прагматические маркеры* разного типа, практически не замеченные до сих пор ни лингвистической теорией, ни лингводидактикой, ни лексикографией: вербальные хезитативы *это самое, как его (её, их), короче*; рефлексивы *или как его? или как сказать? скажем так*; ксенопоказатели *типа/типа того/типа того что, такой/такая/такие*; метакоммуникативы *знаешь/те, представь/те, слушай/те, (я) не знаю* и под.; пограничные маркеры – стартовые (*значит, так, ну*), навигационные (*ну вот, что ещё?*) и финальные (*вот так, всё*), дейктические маркеры *вот так вот, вот здесь вот, вот такие вот* и под., аппроксиматоры (*типа того, как бы*), заместители (*все дела, и всё такое (прочее), бла-бла*) и некот. др. Словарная статья такого словаря может представлять собой своеобразное лингвистическое эссе, по типу «Путеводителя по дискурсивным словам русского языка» [Баранов и др. 1993]. Работа над таким словарем ведется в СПбГУ (см., например [Богданова-Бегларян 2013; Bogdanova-Beglarian et al. 2019]).

Возвращаясь к идее создания большого словаря современной повседневной речи, скажем так: словарь словарем, он нужен и важен, а пока нужно делать небольшие специальные словари, отражающие различные специфические пласты того богатого лексикона, которым мы пользуемся в повседневной жизни.

Литература

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М., 1993.

Богданова-Бегларян Н. В. О словаре «не-слов»: возможности лексикографического описания вербальных хезитативов русской речи // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко). Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 13–15 ноября 2013 г. / Отв. ред. В. Д. Черняк. – СПб., 2013.

Герд А. С. Новый академический словарь – исходные позиции и ориентиры // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка (тезисы) / Под ред. Г. Н. Складневской. – Л., 1990.

Стойка Д. А. Словарь редуцированных форм русской речи / Науч. ред. Н. В. Богданова-Бегларян, техн. ред. Т. Ю. Шерстинова. – СПб., 2019.

Bogdanova-Beglarian, N., Blinova, O., Sherstinova, T., Troshchenkova, E., Gorbunova, D., Zaides, K. Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: the Revised Typology and Corpus-Based Study // Proceedings of the 25th Conference of Open Innovations Association FRUCT / S. Balandin, V. Niemi, T. Tuytina (eds.). – Helsinki, Finland, 2019.

ДИМИНУТИВЫ, УТРАТИВШИЕ КОМПОНЕНТ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Исследуется определенный лексикографический тип: существительные, обозначающие части объектов, совокупности объектов или объекты с нарушенной целостностью, характеризующиеся с точки зрения их размера, формы и типа субстанции, из которой они состоят. Сюда относятся, например, такие слова как *кусок (кус)*, *пук*, *пучок*, *клок*, *клочок*, *клуб*, *клубок*, *ком*, *комок*.

Слова этого лексикографического типа имеют ряд общих свойств.

1) Все они имеют валентность, выражаемую зависимым существительным в родительном падеже, указывающим на целое, от которого объекты полностью или частично отделены (*кусок стены*), на субстанцию, из которой они состоят (*клубы дыма*), или объекты, образующие совокупность (*пучок моркови*). Причем эта валентность в тексте обязательно должна быть заполнена.³ Ср. неприемлемое (1a) при нормальном (1b).

(1a) **На стене висели пучки.*

(1b) *На стене висели пучки трав.*

2) Многие слова этого лексикографического типа, в особенности те, что состоят из короткого односложного корня, имеют однокоренную пару, второй член которой имеет показатель, традиционно считающийся показателем субъективной оценки. Однако семантические различия между членами такой пары лишь в немногих случаях сводятся к добавлению компонента субъективной оценки в производном слове и демонстрируют гораздо более сложную картину.

Потеря существительными с формальными показателями субъективной оценки семантического компонента субъективной оценки неоднократно отмечалась в русистике. Приведем цитату из классической книги В. В. Виноградова «Русский язык»: «Когда значение уменьшительного суффикса первой степени стирается [...], тогда соответствующая форма обрастает своими собственными значениями и превращается в самостоятельную лексему. Это слово затем образует новые формы субъективной оценки. А исходное слово, от которого когда-то была

³ В случае, когда соответствующее существительное употребляется в форме творительного падежа в функции обстоятельства образа действия, эта валентность заполняется нестандартно; ср., например, *Волосы свисали клочьями*. Возможны также высказывания типа *На полу валялись какие-то клочки*, предполагающие, что уточнить характер субстанции трудно.

произведена уменьшительная форма, иногда по отношению к ней получает как бы увеличительное значение».

В работе с опорой на данные словарей и материалы НКРЯ прослеживается постепенное вытеснение коротких исходных форм более длинными. Ср., например, почти исчезнувший *кус* и потерю словом *кусок* компонента субъективности.

Исследуется полисемия слов данного лексикографического типа и образование у слов с показателями субъективности новых значений, не свойственных производящим словам.

Н. Г. Брагина (Москва)

КЛИШЕ ЭМПАТИИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

В докладе будет рассмотрено проявление эмпатии с помощью речевых клише, связанных со стратегией успокаивания, утешения и подбадривания. Анализируются бытовые разговоры, которые по определению имеют неформальный характер. Материалом для анализа послужил национальный корпус русского языка.

Свойством повседневной речи является ее упорядоченность и систематизированность в образцах, т. е. типизированных стратегиях, которые выражаются, в частности, при помощи клише. Такие стратегии могут использоваться в ситуации взаимодействия «лицом-к-лицу» либо удаленно, в социальных сетях в режиме онлайн. Одной из них является успокаивание, утешение и подбадривание. Употребляемые при этом клише выражают определенные тактики. Обозначу их как тактики-призывы.

1) Призыв не допускать слабости: быть эмоционально сильным (сильной): *Крепись! Держись! Будь молодцом! Будь умницей! Не кисни! Не дергайся! Не бойся! Не боись! Не расстраивайся! Не вешай носа! Не унывай! Не грусти!*

2) Призыв поменять отношение к произошедшему (внутренняя форма клише может соотноситься с символическим (ритуальным) действием): *Забудь! Наплюй! Пошли все куда подальше! Не бери в голову! Расслабься! Забей! Начхай!*

3) Призыв к позитивному взгляду на мир: *Надо надеяться и верить; Надо верить в(о) (все) хорошее; Надо надеяться на лучшее; Жизнь прекрасна! Надо уметь радоваться малому.*

4) Призыв смириться: *Что ж теперь поделаешь! Пусть будет как будет; Ничего не поделаешь! Ничего не попишешь; Главное – чтобы все были здоровы; Могло бы все быть значительно хуже.*

Речевая тактика апелляции к «хорошему» будущему, противопоставленному (обычно имплицитно) «плохому» настоящему, выражается с помощью клише: *Все будет хорошо! У тебя еще все впереди! Ты еще молодая / молодой! Тебе еще жить да жить! У тебя все получится!*

Все плохое рано или поздно закончится; Все обойдется! Жизнь продолжается! Еще не вечер! Все еще будет! Время лечит.

Лексикографически такие единицы удобно описывать на основе тематического подхода. Это решает несколько задач: предлагаются наборы типизированных стратегий повседневного общения; перечисляются речевые тактики, реализующие эти стратегии, описываются речевые клише, используемые в этих тактиках.

В докладе в качестве примера будет подробно рассмотрено одно из наиболее частотных речевых клише: *Все будет хорошо*. Предполагается описать прагматику его употребления: кто – кому – по какой причине и с какой целью говорит эту фразу, а также реакцию адресата.

Интересно, что данное клише имеет высокую степень идиоматичности: оно стало общим местом, маркером позитивного отношения к миру и может использоваться как цитата (заключаться в кавычки), характеризоваться как стиль, как принцип жизни и т. д.

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова (Москва, ИРЯ РАН)

ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВАРИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В конце XX – начале XXI вв. появляется много различных словарей диалектных слов, составленных не лингвистами. Подобные словари получили название любительских или народных и привлекли к себе внимание диалектологов, первым, кто обратил внимание на ценность такого рода словарей, была Е. Л. Березович [Березович 2008].

Любительские словари могут быть двух типов: составленные носителями говора или же людьми, которые интересуются языком, но носителями местного языка не являются. Авторами нередко выступают библиотекари, учителя, клубные работники, и, как показывает экспедиционный опыт, почти в каждой библиотеке хранятся словники диалектизмов. Собиратели, имеющие обычно среднее специальное образование, достаточно часто являются диглоссами, т. е. владеют местным говором и регионально окрашенным вариантом литературного языка и легко переходят с кода на код в зависимости от ситуации общения.

Подобные словари основаны на дифференциальном принципе отбора данных: составители включают лишь те слова, которые считают принадлежностью своего диалекта. Работы различаются по объему (от 30 до нескольких тысяч слов) и представлению материала: постановка ударения, передача фонетических особенностей говора, наличие грамматических и стилистических помет, приведение примеров. Обстоятельный обзор и анализ 13 словарей (из них 7 небольших не опубликованы) содержится в [Бондаренко 2014].

Основой для данной работы послужили 10 любительских словарей (из которых 4 неизданные), не попавших в указанный обзор: 1. Устьянский народный словарь. Коллектив авторов. пос. Октябрьский, 2013. 2. Т. А. Хренова. Словарь озёрского говора (Озёрский район Московской области). Озёры. 2018. 3. В. С. Гришин. Краткий словарь тульских говоров. Новомосковск, 2007. 4. И. И. Мосеев. Поморьска говоря (краткий словарь поморского языка). Архангельск. 2005. 5. Б. Н. Жуков. Черпачок из Святколодца (о языке родной деревни). Нижний Новгород. 2008. 6. П. И. Ткаченко. Давайте троэх побалакаем... Краснодар. 2012.

Неопубликованные словари: 1. С. В. Бодухина. Словарь традиционного говора д. Масельга и окрестных деревень (г. Каргополь Архангельской обл.). 2. Словарь белозерских говоров (Хранится в библиотеке г.Белозерска). 3. Словарик краеведческого музея станицы Казанская Верхнедонского р-на Ростовской обл. (предоставлен О. Г. Ровновой). 4. Словарик местных слов д. Бухалово Вышневолоцкого р-на Тверской области (собран библиотекарем В. П. Красильниковой).

Говоря о любительских словарях как лингвистическом источнике, следует упомянуть тот факт, что в некоторых из них достаточно широко представлена просторечная лексика, которая является, по терминологии Л. А. Капанадзе [Капанадзе 2005], *окололитературным* просторечием. Анализ просторечной лексики в любительских словарях может помочь изучению территориального варьирования данного пласта разговорной речи (подробнее см. [Букринская, Кармакова 2018]).

В любительских словарях приводится и много экспрессивной лексики, так как любая устная речь характеризуется повышенной эмоциональностью. Исследование материала словарей позволяет проследить за механизмом образования и функционирования подобных слов в говорах. Экспрессивы далеко не всегда даются с пометами, а принадлежность лексем к эмоционально окрашенной лексике устанавливается по следующим признакам: размытость значения, образность, наглядность, картинность, в том числе необычный звуковой состав слова, интенсивность, оценочность. Приведем примеры: *вары́згать* 'неаккуратно есть', *вжв́аривать* 'быстро работать', *ляля́й* 'недотепа', *причу́кнуть* 'примолкнуть', *прохохо́ниться* 'проголодаться', *сквозьземельный* 'недобро проникающий', *топы́риться* 'возражать, противиться'. Как видно из примеров, в каждой лексеме сочетаются несколько признаков. Этот материал – богатый источник для изучения словообразования, метафорических переносов, механизмов экспрессивности.

Литература

Березович Е. Л. М. С. Устинова как языковая личность (к публикации авторского диалектного словаря) // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1995–1996. Екатеринбург: УрГУ, 1997.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Просторечие в лексической системе // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 26–28 октября 2018 г. М., 2018.

Бондаренко Е. Д. Авторский словарь диалектоносителя: прагматический аспект // Антропологический форум № 21.

Капанадзе Л. А. Современное городское просторечие и литературный язык // Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М., 2005.

В. Вардиц (Потсдам, Universität Potsdam)

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ЯЗЫКА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ: ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕЧЬ = РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ?

Доклад посвящен проблеме социолингвистического варьирования в русском языке диаспоры, в частности, проблеме определения статуса повседневной (разговорной) речи эмигрантов.

Как известно, лингвистический статус языка проистекает из его административно-политического статуса, который регламентирует и степень его кодификации, и сферы его бытования, определяющие, в свою очередь, степень его функциональной специализации, а также закрепляет его территориальный и социальный статус (престижность) [Беликов, Крысин 2001: 378]. В ситуации отсутствия официального статуса открытым для русского языка диаспоры остаётся вопрос как о его лингвистическом статусе, так и о его функционально-стилистическом варьировании в условиях многоязычия, в том числе и о самой возможности выделения в нём социально и функционально обусловленных стратов/регистров, в частности, в сопоставлении с социолингвистической моделью языка метрополии [Крысин 2003].

При этом социально-стилистические параметры языкового варьирования в диаспоре и в метрополии могут существенно различаться. В результате функционально неравноправного двуязычия обиходный язык диаспоры превращается в особый коммуникативный код, который характеризуется чертами лексико-семантической и морфосинтаксической интерференции, в разной степени проявленными в речи конкретных носителей. Помимо внешней интерференции, из доминирующего языка, этот код отмечен и интерференцией внутренней, т.е. активным смешением социально- и функционально обусловленных кодов русского языка. В ситуации вынужденного двуязычия подобный интерферированный код [Вайнрайх 1953] постепенно становится главным коммуникативным кодом в русском общении диаспоры, соединяя в себе функционально-стилистические средства контактирующих языков.

В фокусе внимания доклада оказывается таким образом проблема выявления параметров языкового варьирования, позволяющих

охарактеризовать социолингвистический статус повседневной речи эмигрантов в отношении языкового континуума как диаспоры, так и метрополии.

Литература

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2001.

Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 1953.

Крысин Л. П. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.

И. Т. Венрева, О. А. Михайлова (Екатеринбург)

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: ПОПЫТКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ⁴

Цель доклада – представить эвристическую процедуру лингвоаксиологического анализа повседневной речи как базу лексикографического описания аксиологической стороны повседневной коммуникации.

Исследование неофициального общения, живой речи в аксиологическом аспекте опирается на выявленные экспериментальным путем базовые ценности русского лингвокультурного сообщества. Важным для работы представляется понятие «аксиологическая реальность», под которой понимается ценностный узус речевой практики, соотносимый с системой ценностей национальной культуры, с общенациональными представлениями о значимом, должном и одобряемом. Вербально выраженные ментальные аксиологические константы выявляются на материале корпуса текстов-разговоров семейного общения. Описание приобретает инновационный характер, поскольку основано на лингвоаксиологическом изучении бытовой повседневности.

Целесообразно выделять два плана содержания разговорного диалога: объективно-логический (предметно-понятийный) и коммуникативный (план общения). Предложенное деление позволяет представить ценностный компонент диалога как сумму речевых фрагментов двоякого содержания: *ценностных тематических фрагментов*, в которых оценивание направлено на объективно реальное содержание разговора, и *ценностных коммуникативных фрагментов* с оценочным мнением о собеседнике(-ах). Результат предложенного «фрагментирования» разговорного речевого материала обеспечивает исследователя набором достаточно компактных

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 /18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

комплексных речевых единиц, пригодных для сопоставления оценочных смыслов включенных реплик и дальнейшей типологизации ценностного содержания диалога.

В докладе будут проанализированы *ценностные тематические фрагменты* речи, которые содержат ценностные представления о мире и являются особыми формами хранения знаний и оценок. Такие фрагменты выделяются в опоре на базовые способы выражения оценочного отношения. Чаще всего это утверждения с модальностью долженствования, необходимости или желательности. Слова *должен, нужно, хочу, разрешено, запретить, нельзя* и под. позволяют установить, что является для субъекта ценностью или антиценностью. Учитываются также оценочные слова и выражения, поскольку они объективируют абсолютную или сравнительную ценность того или иного предмета, понятия, явления для говорящего. Это общеоценочные слова *хорошо, плохо* и др., а также лексика частных оценок, вербализующая прежде всего нормативную телеологическую и этическую оценку: *правильно, нормально, неприлично, не годится* и др. Важна также эмотивная лексика и экспрессивные синтаксические конструкции, передающие психологическую окраску высказывания.

Оценка одобряемого и неодобряемого не всегда эксплицируется, она часто не вербализуется, выражается неявно и реконструируется исследователем на основе ситуативной и энциклопедической фоновой информации. Обычные описательные контексты могут включать имплицитное ценностное содержание. Так, реплика *Папе куртку отнеси*, обращенная матерью к дочери, в конкретном ситуативном контексте (в этот холодный осенний день муж на улице без верхней одежды, он может простудиться), безусловно, является выражением заботы о близком человеке. Аксиологически значимым может стать практически любой фрагмент разговорного диалога.

В задачи лексикографического представления входит описание аксиологических констант и динамики ценностных установок русского речевого быта с учетом всех разноуровневых единиц изучаемых фрагментов, обладающих эксплицитным и имплицитным оценочным смыслом.

И. В. Галактионова, А. В. Птенцова (Москва, МГУ)

СЛОВО ПОВСЕДНЕВНЫЙ: СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

Один из вопросов, который предполагается обсудить на Тринадцатых Шмелевских чтениях, сформулирован так: «Повседневная речь = разговорная речь?». Эта формулировка свидетельствует о недостаточной определенности понятия «повседневная речь» и обозначающего его составного термина – в отличие от термина *разговорная речь*, получившего эксплицитное определение в работах разных ученых и прежде всего в работах Е. А. Земской.

Повседневная речь – термин, а значение термина задается его дефиницией. Мы же обратим внимание на общеязыковое значение одного из слов, входящих в состав этого термина. Остается вопрос, как может общеязыковое значение помочь прояснить значение термина. Мы исходим из предположения, что значение составного термина, включающего общеупотребительные русские слова, не должно противоречить как значениям входящих в его состав общеупотребительных слов, так и значению соответствующего свободного сочетания в целом.

Слово *речь* представлено в терминах *повседневная речь* и *разговорная речь*, по всей вероятности, в одном и том же значении – а именно в том, которое в Словаре русского языка в 4-х томах имеет номер 2: ‘Язык как средство общения между людьми’.

Естественно предположить, что ответ на вопрос о тождестве этих терминов зависит прежде всего от того, какое значение имеет слово *повседневный* в составе первого из них.

Четырехтомный Словарь русского языка указывает для этого слова одно значение ‘имеющий место изо дня в день; каждодневный’ (*повседневная жизнь, повседневные нужды*), выводимое из внутренней формы слова, и один оттенок значения ‘ничем не примечательный; обыденный, будничный’ (*повседневный язык*).

Более ранний Словарь Д. Н. Ушакова дает для *повседневный* толкование ‘ежедневный, постоянный, обычный’ (иллюстрируемое сочетаниями *повседневная работа, повседневные заботы, повседневная жизнь*), в котором фактически отмечены и основное значение (‘ежедневный’) и его оттенок (‘обычный’), но они не разведены.

Более поздний Большой толковый словарь различает уже два отдельных значения: «1. Имеющий место изо дня в день; каждодневный. *П. быт. П-ая жизнь.* 2. Ничем не примечательный; обыденный, будничный. *П. костюм. П-ая причёска*».

Различия в подаче семантики слова *повседневный* могут быть связаны как с субъективными факторами – с теоретическими установками словаря, с различиями в языковой интуиции составителей, так и с развитием значения обсуждаемой единицы.

В докладе будет предложено описание семантики слова *повседневный*, выполненное в соответствии с принципами Активного словаря русского языка.

Кроме того, будет рассмотрена семантическая история этого слова – образование значения ‘ничем не интересный’ (реализуемого, например, в контекстах *Страшнее всего было то, что такое палачество, писал Короленко, стало будничной, повседневной, заурядной рутинной* – К. Чуковский; *Они подолгу разговаривали о повседневной чепухе* – Л. Улицкая) на базе первоначального значения ‘имеющий место каждый день на протяжении длительного периода времени’, которое фиксируется уже в текстах, отражающих *П* южнославянское влияние (ср. *повседневныя и*

нощныя пѣнныя славословіе – Епифаний Премудрый, XV в.), и продолжает существовать и в XIX в., и в настоящее время (ср. такие контексты, как *Легко представить, какое значение имеет* [для писателя] *все многообразие повседневных впечатлений* – И. И. Иванов, 1898; *Услыхав собаку, лисичка, конечно, сейчас же бросила охоту за русаком и занялась повседневной охотой на мышей* – М. Пришвин).

Источником материала для исследования служит Национальный корпус русского языка, в том числе его исторический подкорпус.

Е. И. Голанова (Москва, ИРЯ РАН)

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ И УЗУАЛЬНОЕ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТСРР)

1. Представить наиболее полно «современный русский устно-бытовой узус» [Крысин 2014: 9], дать описание семантических, грамматических, стилистических свойств разговорной лексики – основная задача Толкового словаря русской разговорной речи [ТСРР 2014; 2017; 2019]. В Словаре приводятся как узуальные (обычные, «реальные») слова, так и неузальная лексика. Сразу же могут возникнуть вопросы: какие слова следует считать «неузальными»? С какой полнотой они должны быть представлены в ТСРР? Есть ли соответствующая фиксация этих слов в других словарях? И т. п.

Рассмотрим эти вопросы на примере группы существительных с суффиксом *-инка*, имеющих значение «признак, проявляющийся в слабой степени» [АГ–80]: *горчинка, задоринка, лукавинка, кислинка, слабинка, хитринка* и под.

2. Именно эту группу имён отметил Д.Н. Шмелёв в своей работе «Об одном случае активной аналогии в современном русском языке» [Шмелев 1963]. Рассматривая образования на *-инка*, являющиеся названиями единичных предметов (*крупинка, песчинка, чайника* и др.), Д. Н. Шмелёв пишет: «Вместе с тем, в современном русском языке, особенно в некоторых его разновидностях (главным образом в разговорной речи и в художественной литературе), становится очень активной другая группа образований с тем же суффиксом. Это производные от именных основ вроде *хитринка, лукавинка*» [Там же: 113]. Д. Н. Шмелёв отмечает, что в Сл.Уш. подобные слова не зарегистрированы, а Ож. даёт только *лукавинку*.

Лексикографическая фиксация их появляется несколько позже. Так, Обратный словарь (1974) регистрирует, опираясь на данные толковых словарей (БАС, МАС, Уш., Ож.), уже больше десятка таких слов. Наиболее последовательно и полно представлены эти образования в БТС: *горчинка, желтинка, задоринка, кислинка, лукавинка, слабинка, смешинка, сумасшедшинка, толщинка, тухлинка, фальшивинка, хитринка, червоточинка, чертовщинка, чудинка* и др. Следует заметить, что все эти слова даны здесь с пометой *разг.* АГ–80 также отмечает такие образования,

указывая, что большинство их носит разговорный характер и проявляет продуктивность в разговорной речи и художественной литературе.

Рассматриваемая группа имён существительных, возникающих на основе активной словообразовательной модели с суффиксом *-инка*, уже получила «права гражданства» в современной лексикографии. Словник ТССР также содержит ряд таких слов: *слабинка, тухлинка, червоточинка*; в 1 и 2 выпусках Словаря описаны *горчинка, кислинка, лукавинка*. **Но вопрос о полноте представления этих имён в Словаре, о критериях их отбора остаётся открытым.** И это связано, прежде всего, с тем, что большинство их относится к неузальной лексике, граница которой в данном случае не определена.

3. К неузальной лексике мы относим вслед за Е. А. Земской **потенциальные** и **окказиональные** слова, которые «представляют два полюса словообразования: первые являются реализацией законов словообразования, вторые – нарушением этих законов» [Земская 1973: 238].

Образования с суфф. *-инка*, выражающие значение «признак, проявляющийся в слабой степени», относятся к **потенциальным** словам, т.е. тем словам, которые уже «произведены но ещё не закреплены традицией словоупотребления или могут быть произведены» (по образцу слов продуктивного словообразовательного типа).

Современный материал подтверждает наблюдения Д.Н. Шмелёва 60-х, об активном образовании слов по этой словообразовательной модели в разговорной речи. Их продуктивность может быть ограничена лишь семантикой производящей основы.

Подобные образования «имеют право» быть представленными более последовательно и полно в ТССР и других словарях современной повседневной речи.

Литература

- АГ–80* – Русская грамматика. М., 1980.
- Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
- Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Крысин Л. П.* Толковый словарь русской разговорной речи. Предисловие. Вып. 1. М., 2014.
- Шмелёв Д. Н.* Об одном случае активной аналогии в современном русском языке // Развитие современного русского языка. М., 1963.
- Шмелёв Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Словари

БАС – Словарь современного русского литературного языка (в 17 тт.) М., 1948–1965 гг.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

МАС – Словарь русского языка (в 4 тт.). Издание 2-е. М., 1981–1984.

ТСРР – Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–3– / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2014, 2017, 2019–.

УШ. – Толковый словарь русского языка (под ред. Д. Н. Ушакова). М., 1935–1940.

Обратный словарь русского языка. М., 1974.

Ож. – Словарь русского языка. М., 1953.

В. В. Дементьев (Саратов)

АКТИВНЫЙ СПОСОБ МЕТАФОРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (БЕССУФИКСАЛЬНЫЕ ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ)

Анализируется группа новых (2010-е гг.) разговорных метафор – словообразовательных бессуффиксальных глагольных производных – на материале Рунета.

Вся группа (в алфавитном порядке): *вброс* (и *наброс*) (*на вентилятор*), *впрыск*, *въезд*, *вынос* (*мозга*), *высер* (*груб.*), *выхлоп*, *движ*, *навар*, *нагиб*, *наезд*, *неликвид*, *облом*, *обнал*, *отжим*, *откат*, *подкат*, *подстава*, *посада*, *постанова*, *предъява*, *прикид*, *прикол*, *прогиб*, *простава*, *развод*, *разор*, *распил* (и менее частотные *напил*, *выпил*), *расплев*, *сдув*, *слив* (*слив информации* и просто *слив*), *срач* (*груб.*), а также примыкающие к ним суффиксальные производные *кидок*, *хапок*, неотглагольное (*не*)*адекват*, псевдопроизводное *защквар* и непроизводное *жесть*.

У каждой метафоры зафиксировано не менее 100 употреблений.

Еще 10–15 лет назад всего этого многообразия не существовало, хотя отдельные метафоры этой группы появились много раньше, например литературные *бег*, *побег*, *доход*, *отход*, *развал*, разговорные *загул*, *запой*, нелитературные *облом*.

Глаголы, от которых образована рассматриваемая группа бессуффиксальных производных, обнаруживают целый ряд общих черт: в большинстве случаев переходные, каузальные, в свою очередь развивающие метафорические значения. Исходные (прямые) значения этих глаголов и производных бессуффиксальных субстантивов – **простейшее механическое воздействие** (*вброс*, *выхлоп*, *наброс*, *нагиб*, *наезд*, *отжим*, *откат*, *подкат*, *подстава*, *посада*, *прикол*, *простава*, *сдув*, *слив*), **деформация**, **разрушение объекта** (*выхлоп*, *наезд*, *облом*, *откат*, *подкат*, *прикол*, *разор*, *распил*), **движение** (*въезд*, *хапок*), **приведение в движение объекта** (*вброс*, *прогиб*, *развод*), более сложное (**интеллектуальное**) **воздействие** (*предъява*), **физиология** («низкая») (*высер*, *расплев*, *срач*). Преобладающим типом действия, концептуализированного в них, является механическое

воздействие, в большинстве случаев – деструктивное. Объект, на который направлено действие, почти всегда предстает как «механический» – неодушевленный, грубо-предметный и т. д., артефакт либо хотя бы результат первичной обработки (*распилить*). С этим значением связаны остальные: движение, приведение в движение (практически исключительно тоже механическое движение и субъекта, и объекта действия); если же объект мыслится как одушевленный, подчеркивается, что речь идет только о физиологии, которая обычно является табуируемой в обществе, но в пространстве Рунета не редкость (*высер, срач*).

Все это способствует появлению большого количества негатива в образованных от них метафорах. Социальные отношения, действия в социальной реальности, которые называют эти метафоры, только конфликтные. Новые, метафорические значения – агрессивные действия в новой («капиталистической», «товарно-денежной») социальной реальности: в неантропоморфных ситуациях – катастроф, деструкции, порчи (*слив*); антропоморфных – конфликтов, насилия, угнетения, обмана (*прогиб*). Деструкцией отмечены и денежные отношения: названные метафоры практически не используются в значениях «накопить» и «заработать», а только «отнимать» и «тратить» (*отжм, навар*).

Глаголов, развивающих новые метафорические положительные значения, тоже крайне мало (в лучшем случае они несут амбивалентную оценку, часто ироничную): (*за*)*жечь / жги! / жжот, раскручивать, раскрутка, окучивать, окучивание, заточить на..., заточенный на...,* при этом их основное значение также механистично и деструктивно, глаголов со значением созидательной деятельности мало, а направленных на живой / одушевленный объект – единицы. Исключение – *вписаться (за кого)*.

Глагольные метафоры особенно значимы для языковой картины мира, тем более современной русской ЯКМ, которой, по мнению многих исследователей, свойственна бóльшая активность, «деловитость», чем в предыдущие эпохи.

Результирующие переносные (метафорические) значения, принимаемые данными лексемами в современном русскоязычном общении, – отрицательно-оценочные, деструктивные, конфликтные – проецируют на себя новые отношения, складывающиеся в новом «капиталистически отформатированном и структурированном» обществе.

О. П. Ермакова (Калуга)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ

Доклад предположительно состоит из двух частей. Первая содержит два лексикографических замечания, вторая – наблюдения над двумя семантическими процессами в лексике.

1. Два лексикографических пожелания составителям разных толковых словарей.
 - 1) Мне представляется, что в настоящее время нецелесообразно отказываться от термина «предикатив» в грамматической характеристике таких лексических единиц, как *негоже*, *нечего*, *незачем* ‘не надо, не следует’, *завидно*, *совестно* и под. Уклончивая характеристика «в знач. сказ.» отмечает синтаксические свойства слов и, если не подменяет морфологическую характеристику, то не вызывает возражений, хотя можно употребить слово «предикатив». Но характеристики типа «нареч. в знач. сказ.», «местоим. в знач. сказ.», наверное, представляются странными, думаю, не только мне: известно, что наречие всегда зависимая категория и не может иметь зависимый инфинитив; *нечего* и *незачем* в значении ‘не следует, не надо’ – лексикализованы, это не местоименные значения, а сочетание с «в знач. сказ.» – явно не может быть морфологической характеристикой.
 - 2) Второе пожелание, которое я предлагаю обсудить, относится к словарям разговорной и жаргонной лексики. Я имею в виду случаи, когда в словаре фиксируется значение, представляющее собой метафору нейтрального литературного слова, без указания на источник метафоры. Например, толкование: *тормоз* – ‘глуповатый, несообразительный человек’ без соотнесения с частью механизма в машине. Составители исходят из того, что источник метафоры – не разговорное и не жаргонное слово. Но при этом, как мне представляется, в слове затушевывается его образность. На мой взгляд, краткая отсылка к механизму (в скобках или как-то еще) была бы не лишней.
2.
 - 1.) Наблюдения касаются семантических процессов в сфере конкретно-предметной лексики. Один – активизация так называемых безобразных метафор, возникающих на основе реальных признаков предмета и порождающих, в отличие от коннотативных метафор, открытые семантические структуры (*кирпич* – ‘предмет в форме кирпича’ и т.п.).
 - 2.) Второй процесс – это замена одного гипонима другим (*койка* – ‘кровать’, *больница* – ‘поликлиника’, нередко приводящая к вытеснению из устной непринужденной речи одного из гипонимов и, тем самым, – к обеднению языка.

Е. В. Ерофеева (Пермь, ПГНИУ)

**СЛОВАРЬ СОЦИОЛЕКТА ЛЮБИТЕЛЕЙ «ФОРМУЛЫ-1»:
ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РЕЧИ
СУБКУЛЬТУРЫ**

Понятие «повседневная речь» может пониматься как набор тех подсистем, или идиомов, которыми человек пользуется в обычных для него условиях, если не каждый день, то довольно регулярно. При этом ясно, что, поскольку для разных социальных групп этот набор варьируется, постольку повседневная речь представителей разных социальных групп будет опираться на разные идиомы по меньшей мере в разных коммуникативных ситуациях.

Для представителей разных субкультур социолекты этих субкультур являются важными компонентами в наборах идиомов, употребляемых в повседневной речи. Сложность лексикографического описания данных социолектов состоит прежде всего в определении круга социолектных единиц.

В докладе будут представлены принципы отбора лексических единиц, структура словарной статьи и пометы Словаря социолекта болельщиков «Формулы-1», опубликованного автором в 2017 г.

Материал для словаря собирался на русскоязычных тематических форумах. Единицы, включенные в словарь, проходили проверку на типичность для коммуникации: они должны были быть отмеченными минимум 1) в трех разных контекстах, 2) на двух форумах, 3) у двух разных авторов. В словарь были включены 502 единицы (слова, устойчивые выражения и их варианты), которые используются болельщиками для названия референтов, связанных с реалиями гонки независимо от источника этих слов и выражений.

Анализ лексики изучаемого социолекта показал, что можно выделить как минимум 9 источников, из которых болельщики «Формулы-1» черпают лексические единицы:

- 1) инженерные термины (термины технического регламента «Формулы-1», точнее, их русские эквиваленты);
- 2) жаргон конструкторов и механиков;
- 3) термины спортивного регламента «Формулы-1»;
- 4) общеспортивные термины;
- 5) спортивный жаргон;
- 6) термины автомобильной среды;
- 7) жаргон автомобильной сферы;
- 8) общий жаргон;
- 9) разговорная речь / просторечие.

Кроме того, в данной среде, естественно, рождаются и собственные жаргонные единицы.

Структура словарной статьи включает заголовочное слово, грамматические, функциональные и стилистические пометы, толкование и примеры употребления единицы в речи.

Заголовочное слово приводится в наиболее распространенных графических вариантах, при этом первым дается вариант, наиболее близкий

современной орфографической норме (далеко не все единицы словаря имеют официальное кодифицированное написание).

Грамматические пометы включают:

- для существительных: род (для форм ед.ч.) и окончание род. п. мн.ч. либо указание на использование только во мн.ч. или на то, что существительное является несклоняемым;
- для прилагательных: окончания ж. р. и ср. р. в им. п.;
- для глаголов: вид, для глаголов несов.в. – окончания 1 и 2 лица ед. ч., для глаголов сов. в. – форматив пр. вр., для двувидовых глаголов – оба варианта форм.

Функциональные пометы являются обязательными и присутствуют в каждой словарной статье, они дают характеристику сферы-источника лексической единицы:

- *терм.* (терминологическое) – слова, пришедшие в социолект из профессиональных сфер и употребляющиеся в официальной речи;
- *спец.* (специальное) – слова, пришедшие в социолект из профессиональных сфер и спортивного жаргона и употребляющиеся как в официальной, так и в неофициальной речи;
- *спец. жарг.* – слова, пришедшие в социолект из профессиональных сфер, спортивного жаргона или созданные самими болельщиками и употребляющиеся исключительно в неофициальной речи (или журналистами);
- *жарг.* – слова, источником которых является общий жаргон, употребляющиеся исключительно в неофициальной речи;
- *разг.* – слова, имеющие широкое употребление в разговорной речи и употребляющиеся исключительно в неофициальной сфере.

Стилистические пометы являются факультативными. Они отражают эмоциональную оценку слова. В словаре используется две стилистические пометы: *ирон.* (ироничное) и *груб.* (грубое).

Т. И. Ерофеева (Пермь, ПГНИУ)

ЛОКАЛЬНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ: ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ ГЛОССАРИЯ ПЕРМСКИХ ЛОКАЛИЗМОВ

1. Сегодня интересы многих лингвистов, в числе и пермских, обращены не только к описанию той или иной языковой подсистемы, но и к изучению **функционирования языка в реальной речевой деятельности** пользующихся этим языком людей. Это дало возможность теоретически признать локальную вариативность литературного языка как объективную данность. На практике изучение локальной вариативности литературного

языка связано, прежде всего, с изучением повседневной речи горожан в том или ином регионе.

2. Многолетнее изучение лексики в повседневной речи Пермского края позволило с 2006 г. приступить к созданию не имеющего аналогов регионального словаря локальных элементов – Глоссария пермских локализмов.

Глоссарий – свод толкований таких слов (глосс), которые малопонятны (устаревшие, диалектные и т.п.). Форма глоссария позволяет достаточно полно описать территориальную и социальную основу, способствующую образованию локальных вариантов повседневной речи.

Основополагающей теоретической базой настоящего исследования является установка на социальную (в широком смысле этого понятия) обусловленность языковых факторов и процессов. Конкретные методы исследования определяются выбранными подходами: сбор материала методом анкетирования, записи цельного речевого потока, составление словарных статей по разработанной пермскими лексикографами схеме, позволяющей всесторонне описать слово.

3. В настоящее время в городской речи Пермского края выявлено более 1000 локальных лексических единиц – **локализмов**. Это лексемы и лексико-семантические варианты, не принадлежащие кодифицированным единицам русского литературного языка, однако употребляемые в локально окрашенной литературной речи пермяков, либо в речи жителей пермского региона наряду с другими. Картотека локализмов составила около 60000 карточек; сегодня готово к публикации 1045 словарных статей, составляющих Глоссарий пермских локализмов.

В глоссарии представлены локализмы следующих типов: собственно лексические, семантические, словообразовательные, грамматические, фонематические, фразеологические. Принципы классификации и сама классификация локализмов разработаны Пермской школой социолингвистики и изложены, в частности, в работе [Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И., Скитова Ф. Л. Локализмы в литературной речи горожан, Пермь, 2002]. См. также Инструкцию для составления Словаря русский народных говоров [Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П. Словарь русских народных говоров. Вып. 28. Спб.: Наука, 1994. С. V].

4. Учитывая научные задачи глоссария, представители Пермской социолингвистической школы выработали структуру словарной статьи. **Словарная статья** на локальное слово или выражение содержит следующие компоненты: заголовочное слово в орфографической записи с обозначением ударения; необходимые пометы всех видов; определение типа локализма; определение значения слова в форме дефиниции или литературного синонима; данные словарей, свидетельствующие о локальном характере слова; иллюстративный материал, включающий цитаты из живой обиходной литературной речи, устной публичной речи и произведений художественной литературы, преимущественно уральских писателей; социологические

данные, указывающие на среду бытования локализма; различного рода комментарии, в том числе комментарии информантов.

5. **Иллюстративный материал** статей глоссария представлен в большинстве случаев произведениями местных писателей и поэтов, где локализмы встречаются достаточно часто и выполняют в текстах различные художественно-эстетические функции, выступая энергетическим ресурсом народного языка. См. Авенира Крашенинникова: *Видишь: один листок / Не позабылся сном, / Стуже **напоперек** / Алым горит огнем*; см. у Алексея Решетова: *Опять зима, опять мороз. / Крахмальный скрип сухого снега. / Куржак на веточках берез. / Дымок над кровом человека. / И солнце яркое до слез.*

6. Подход к анализу процессов функционирования языка в регионе, признание локальных вариантов литературного языка объективной данностью, описание человека не только как объекта лексикографии, но и как субъекта речевой деятельности, принятый в работе категориальный аппарат позволили разработать словарь нового типа – социолингвистический глоссарий, отражающий специфику повседневной литературной речи региона. Названные критерии, полагаем, могут служить надежным инструментарием для создания словарей подобного рода.

Сегодня глоссарий готов к публикации.

А. В. Занадворова (Москва, ИРЯ РАН)

«КОМПЬЮТЕРНАЯ» ЛЕКСИКА В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (ТСРР)

В последние десятилетия, в связи с широким распространением персональных компьютеров, лексика «компьютерного обихода» перестала быть узкоспециализированной, а стала частью нашего повседневного общения.

Источники пополнения этой группы лексики различны: большая часть слов называющих объекты и процессы, заимствуется из английского языка (*компьютер, принтер*), а затем часто адаптируется к русской системе словоизменения, глаголы начинают склоняться по правилам русского языка (*апгрейдить, расшарить, засеивить*), существительные подвергаются различным словообразовательным модификациям, характерным для разговорной речи: усечениям: *комп, клавиша, ноут*; суффиксации: *сидюк, сидюшник* и др. Одной из наиболее интересной, на наш взгляд, является группа русских по происхождению слов, которые стали использоваться для описания новых реалий, в большинстве случаев они являются переводом соответствующих английских терминов, но, как часто бывает, их значения и сочетаемость немного отличаются от английских эквивалентов. Именно такие единицы и включаются в первую очередь в Толковый словарь русской

разговорной речи (ТСРР). Например, глагол *сохранять* (о данных), и *сохраняться* (сохранить данные), представляющий собой типично разговорный глагол-конденсат.

В докладе основное внимание будет уделено глаголам, описывающим передачу данных. Будут рассмотрены группы глаголов: *грузить, загрузить, загружаться; качать, скачать, закачать; писать, переписать, списать, записать; выложить, положить.*

Литература

ТСРР – Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1, 2, 3 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2014; 2017; 2019

О. С. Иссерс (Омск, ОмГУ)

ПРОЕКТЫ «СЛОВО ГОДА» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВНИКА И ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ⁵

Формирование словника толкового словаря является одной из ключевых проблем лексикографии. Принципы, положенные в основу отбора лексики, во многом определяют и принципы словарного описания. Так, в Проспекте «Толкового словаря русской разговорной речи» [Крысин 2010] обозначены три основных принципа, которые определили формирование словника и характер информации о его единицах: принцип диффузности, дифференциальности и маркированности. В качестве маркеров принадлежности к РР рассматриваются семантические, морфологические, синтаксические, стилистические и прагматические особенности лексических единиц. Зона прагматических характеристик представлена в словаре как наименее формализованная и содержит разнообразные сведения об особенностях употребления слова либо о его происхождении. По мнению авторов словаря, наиболее очевидны такие прагматические маркеры, которые относятся к употреблению слова в определенных ситуациях общения, а также к коммуникативным, ситуационным или социальным ограничениям, накладываемым на его употребление.

Среди перечисленных прагматических параметров не оговаривается временной фактор, фиксирующий условия активизации слова в определенный период и в значительной степени зависящий от всплесков общественного внимания к нему (хотя в ряде случаев подобные сведения включаются в структуру словарного описания в зоне PRAGM). В то же время составители неоднократно обращают внимание на принцип частотности

⁵ «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Омской области в рамках научного проекта № 18-412-550001»

словарных единиц, который реализуется в задаче отбора «коммуникативно наиболее актуальной, активной лексики русской разговорной речи» [Там же: 15]. При включении в словник лексики, употребительной в ограниченных возрастных и профессиональных группах, представляется правомерным дополнить словник «ключевыми словами текущего момента», которые отражают высокую активность лексической единицы либо отдельных ее значений в разных социальных слоях, но нередко ограниченную хронологически.

Привлекательным и во многих случаях достаточно достоверным источником для отбора лексических новаций являются рейтинги проектов «Слово года» (в России этот и подобные проекты реализуются с 2007 г.). В них, кроме многочисленных слов-однодневок, представлены лексические единицы, чья актуальность исчисляется не одним годом, а пятью-десятью годами. Так, появление нового значения слова «двушечка» в значении «двухлетний срок заключения» (в контексте дела панк-группы «Pussy Riot» и высказывания по этому поводу главы государства) характерно именно для 2012 г. и последующих годов. Заметим, что в вып. 1 «Толкового словаря русской разговорной речи» зафиксирована лексема *двушка* в 2-х значениях: 1) монета достоинством в две копейки; 2) двухкомнатная отдельная квартира [ТСРР 2014]. Первое из указанных значений, как указывают авторы словаря, отражало употребление в типичной ситуации советского времени (с помощью двухкопеечной монеты можно было звонить по телефону). Однако для современного употребления это значение деактуализировано ввиду отсутствия соответствующей монеты.

Материалы проектов «Слово года» представляются лингвистически ценными по нескольким причинам. Во-первых, они информативны с точки зрения лексикографии, поскольку дают возможность точного датирования лексических новаций, в том числе и возвращения устаревшей лексики в активный словарь. С другой стороны, по ним можно реконструировать языковую картину современности, которая характеризует массовое сознание социума в конкретный период. Несмотря на разную степень методологической обоснованности подобных массовых опросов, их результаты позволяют говорить о приоритетах внимания общества: это взгляд на языковую жизнь социума, ограниченную четкими календарными рамками одного года; по словам-победителям можно судить о том, какова была атмосфера того времени.

Многие лексические единицы, вошедшие в 2000-х гг. в речевой оборот не только политической, но и повседневной жизни (*крымнаш, бандерлоги, ватники, санкционка, запрещёнка* и др.), актуальны для формирования общей картины русской разговорной речи последнего десятилетия и представляются ценным источником для иллюстративного материала словаря.

Литература

Крысин Л. П. Введение // Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект / Под ред. Л.П. Крысина. М., 2010, С. 6–15.

ТСРР – Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2014.

Е. В. Какорина (Москва, ИРЯ РАН)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТСРР)

В докладе будут рассмотрены, главным образом, звукоподражания голосам животных (*ко-ко, ку-ку, ку-ка-ре-ку, му-му* и др.).

Звукоподражания в целом неохотно и непоследовательно включаются в толковые словари.

Так, например, несмотря на актуальность и распространенность в разговорной речи, слова «детского» языка, созданные на основе звукоподражаний, обычно отсутствуют в большинстве толковых словарей современного русского языка. Ср.:

– Почему на "детском" языке яйцо часто называют "**коко**"? – **Ко-ко-ко** – это нормальный язык куриц. Обычно после того, как она снесет яйцо. Услышав такое, можно смело бежать к гнезду и забирать еще теплое. Отсюда и **коко**. Но ведь наши дети куриц часто и вживую не видели. А магазинные яйца вообще молчат (Большой вопрос.ru, 2019).

Разговорные названия яйца *коко, кока* с пометой *детск.* отмечены в [Ушаков].

Как правило, лексикографы отражают прямые и – реже – переносные значения соответствующих производных глаголов, описывающих речевые характеристики и поведение человека (*кудахтать, кукарекать* и т.п.). Ср. примеры из ТСРР, где значения подобных глаголов фиксируются наиболее полно и последовательно:

КУКАРЕКАТЬ.

1. говорить громко и много о чём-л. несущественном, вести пустые разговоры.

Тут кто-то недавно кукарекал про гордость за страну. Гордиться страной и при этом ничего не делать — глупо (Омский форум, 2015);

2. ДЕФ: заявлять о чём-л., возмущаться.

Мы можем 30000 раз собираться и что-то там кукарекать, но, по большому счёту, ничего не изменится (Блоги, 2015).

Однако наиболее интересными, как правило, не отмеченными толковыми словарями, оказываются случаи развития новых лексических значений у «чистых» звукоподражаний, которые могут употребляться в РР как междометия, предметные имена и предикаты. Лексема *ку-ку* фиксируется в одном (прямом) значении «о крике кукушки» в [Ушаков, ТСРЯ, БТС]. Ср. описание значений слова в ТСРР:

КУ-КУ.

1. подражание крику кукушки;
2. возглас привлечения внимания, приветствия;
3. о психически нездоровом человеке; о том, кто ведет себя неадекватно или о том, чьё поведение не отвечает общепринятым представлениям о норме;
4. о том, что навсегда потеряно, резко изменилось, закончилось;
5. возглас возражения, перебива, привлечения внимания собеседника, начала или окончания разговора;
6. название детской игры.

Примеры:

(1) *Сколько жить мне ещё на нашей мирной планете? — Ну-ка, старая ведьма, начинай отсчёт! — крикнул я кукушке. А она, зараза: "ку-ку, ку-ку" — и молчок. Два года всего, значит. Это меня не устраивает. — Давай сначала, — крикнул я* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора);

(2) *Как-то утром Михаил Таль приветствовал его шутливым: «Бобби, ку-ку!» Две или три недели после этого Фишер обращался к Смыслову и Кересу, Глигоричу и другим гроссмейстерам с истоиво звучащим вопросом: «Почему Таль сказал мне ку-ку?» Объяснения, что это просто дружелюбная шутка, его сознание принять не могло* (Советский спорт, 11.03.2008);

(3) *Вам скажут, что Вы с приветом, совсем ку-ку, больной на всю голову, что у Вас поехала крыша и т.п.* (Блоги, 2016);

(4) *А денежки-то ку-ку! Спёрли! Испарились! Такие вот фокусы с мобильным//* (Запись устной речи, 2016);

(5) *Ку-ку, времена переменились; Разговор закончен, дошло, нет? Ку-ку форева* (Блоги, 2016);

(6) *Макарка очень любит ку-ку// часами может/ меня заставляет прятаться и кукукать//* (Запись устной речи, 2016); *А уж игра в ку-ку... О, вечный родительский бич – игра в ку-ку* (Блоги, 2016).

Открытым остается вопрос о мотивированности переносных значений звукоподражаний. Словообразовательная и фразеологическая активность слова, развитая многозначность производных существительных и глаголов, употребительность в различных подсистемах языка и включенность в прецедентные тексты служат факторами, способствующими кристаллизации диффузного семантического наполнения слова в новых значениях и их дальнейшему закреплению в узусе.

Ср. фраземы *куку поехала, кукушка поехала (уехала, слетела), кукушка замкнула (клинит)* (жарг. ‘о неадекватном поведении в состоянии психического расстройства или о состоянии алкогольного или наркотического опьянения’) и значения лексемы *ку-ку* ‘психическое нездоровье; неадекватное поведение’.

Неопределенность значения звукоподражаний сближает эти слова с распространенными в РР словами-губками и существительными-местоимениями с нуль-семантикой, значение которых конкретизируется в

конситуации (*музыка, мура, штука* и под.): *Слуш/ давай это му-му/ эту дуру/ хрень/ штуку/ уберём отсюда!*

Семы звукоподражания *му-му*: «невнятность, нечленораздельность речи», «неопределенность», ««незначимость» (а также, возможно, смыслы, связанные с культурным концептом рассказа И.С. Тургенева «Муму»: «примитивность», «простота», «незамысловатость») – реализуются в различных типах контекстов, применительно к различным ситуациям. Ср.: МУ-МУ.

1. употребляется для передачи невнятной звучащей речи или такой, которую говорящий не хочет или не считает нужным воспроизводить;
2. пустые, невнятные, бессодержательные разговоры или ложь;
3. нечто бессодержательное, бессмысленное, не имеющее ценности (часто о произведении искусства);
4. о чем-ком-л., что-кто не нравится говорящему, раздражает его, а также о том, что говорящий не хочет или не считает нужным называть;
5. корова.

Примеры:

(1) *Они там говорят что-то/ говорят/ бу-бу-бу/ му-му-му/ в общем// А потом...* (Запись пересказа беседы, 2020);

(2) *Говори конкретней! А то развел тут му-му; Если сказать нечего, то не надо нам му-му пороть* (Блоги, 2012); *Трепло, а не продавец. 4 месяца му-му водит, так ничего внятного и не сказал* (Форум, 2015);

(3) *По телику одно му-му/ смотреть нечего//* (Запись устной речи, 2015); *Если ты говоришь про му-му, то советую почитать Веру Камшу, вот там му-му так му-му, хотя отрицать не буду пишет интересно, увлекательно, но та-а-акое му-му* (Форум, 2013);

(4) *Подарили какое-то му-му [ненужную, неценную вещь]//* (Запись устной речи, 2014); *Когда три му-му принимали с похмела решение о развале СССР, разве они не должны были предвидеть соответствующие последствия?* (Новые Ведомости, 25.01.2015);

(5) *...по улицам шастают худющие священные му-му* (Блоги, 2014).

Использование звукоподражаний для экспрессивной характеристики человека или ситуации характерно и для диалектной речи: *Робил ты робил, а вышло кукареку* (нечто плохого качества) [СРГН].

В РР звукоподражания обладают большим семантическим потенциалом, употребляясь в функции различных частей речи: существительных, местоимений, прилагательных, глаголов, междометий – обозначая экспрессивно оцениваемые говорящим предметы, признаки, действия, события.

Вопрос об узуальности того или иного значения (и, следовательно, о включении лексемы в словарь) не всегда имеет очевидное решение.

Литература

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 1998. Авторская редакция 2014 г. // Справочно-информационный портал Грамота.Ру. [Электронный ресурс].

СРНГ — Кузнецова О.Д., Сороколетов Ф.П. Словарь русских народных говоров. Вып. 16. СПб.: Наука, 1980.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–3— / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014; 2017; 2019—.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.

Ушаков — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

М. Л. Каленчук (Москва, ИРЯ РАН)

ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕЧЬ VS РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ: ФОНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Соотношение понятий *повседневная речь* и *разговорная речь* во многом определяется тем, что именно понимается под этими терминами, и, как ни странно, может быть различным для разных уровней языка. В настоящем докладе анализируются фонетические аспекты проблемы.

Традиционно фонетика разговорной речи понималась как особенности реализации фонем в условиях неподготовленного непринужденного общения при неофициальных отношениях между говорящими и противопоставлялась кодифицированному литературному произношению. Анализ записей очень больших массивов звучащей речи не позволяет противопоставить фонетические факты по принципу РР – КЛЯ. В ситуациях, требующих по всем экстралингвистическим критериям оформления по нормам РР или по нормам КЛЯ, обнаруживаются факты, обычно приписываемые и той, и другой разновидности звучащей речи приблизительно в равной пропорции, что не позволяет говорить о стилеобразующей роли подобных произносительных вариантов.

Сигналом отнесения произношения к тому или другому типу является наличие/отсутствие фонетической деформации и степень этой деформации. Бытовавшее долгое время представление о том, что произношения типа *ско(ль)ко, то(ль)ко, бу(д)ем, (с)пасибо, внимат(ель)ный, пра(ви)льно, ес(ть), чуст(в), с(ей)час, че(лове)к* и мн. другое «привязано» к разговорной речи, не подтверждается. Подобные факты встречаются в равной степени и в КЛЯ и, следовательно, не могут считаться маркерами разговорной речи. При этом противопоставляются не варианты КЛЯ и разговорной речи, а полные (условно – «кодифицированные») и компрессированные (условно – «разговорные») варианты. Р. Ф. Касаткина предположила, что появление указанных вариантов зависит от их позиционного распределения.

Некомпрессированные варианты характерны для сильных фразовых позиций под основным ударением фонетической синтагмы или фразы, а компрессированные – при быстром темпе речи, в том числе в слабых фразовых позициях.

Анализ материала показывает, что компрессированные слова могут быть разных типов:

1. слова, которые практически не употребляются без компрессии (*спе[ца]льный*), хотя подобные факты обычно описываются как разговорная фонетика, но они лишены стилеобразующих свойств и встречаются и в самых строгих разновидностях литературной звучащей речи;

2. слова, в звуковом оформлении которых сосуществуют компрессированные и некомпрессированные формы:

2.1. компрессированные и некомпрессированные формы распределены по сильным и слабым фразовым позициям, связанным с ритмико-семантическими условиями (*не могу поверить – [скол'кэ] он дал?!)* и *я дам, [скокэ] смогу*);

2.2. компрессированные формы лексикализованы и употребляются чаще, чем полные, они не привязаны к слабым фразовым позициям или внешним условиям речи (*пятьдесят – п[и'д'и'е]сят* и чаще *п[и'и'е]сят, тысяча – ты[с'и'ч']а* и чаще *ты[ш:']а*).

2.3. слова, компрессированные формы которых употребляются в речи нерегулярно и их появление «сиюминутно» и почти случайно, слово подвергается фонетической деформации из-за ослабления речевого контроля, во многих случаях компрессированное слово без знания контекста или ситуации невозможно опознать; это происходит в бытовой спонтанной речи, которую, как кажется, можно называть повседневной (*здравствуйте – [дрс']*).

Сказанное выше позволяет с определенной степенью осторожности отказаться на фонетическом уровне от понятия разговорная речь, заменив его на повседневная речь, т.е. противопоставление КЛЯ // РР трансформируется в противопоставление *кодифицированный литературный язык* (в котором варианты произношения в зависимости от полноты-неполноты распределяются в соответствии с ритмико-семантическими условиями произношения) и *повседневная речь*. Ситуативная и контекстуальная обусловленность фонетического контента повседневной речи делают труднодостижимым его лексикографическое отражение.

М. Краузе (Университет Гамбург)

**АКТИВНЫЙ ЛЕКСИКОН РУССКО-НЕМЕЦКИХ БИЛИНГВОВ И
РУССКОЯЗЫЧНЫХ МОНОЛИНГВОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ПО КАРТИНКАМ И РАССКАЗОВ ПО
КАРТИНКАМ)**

Доклад посвящается активному лексикону подростков с унаследованным русским языком, живущих в окружении немецкого языка в Германии и пользующихся русским языком преимущественно в семье. Характерной особенностью таких по крайней мере двуязычных подростков считается ограниченный по количеству и качеству речевой опыт, который зачастую сводим к сфере бытового общения и обычно влечет за собой сужение регистровой компетенции [Montrul 2016]. На материале двух тестов на русском языке – устного наименования картинок и письменного рассказа по картинкам – исследуется, насколько использованный словарный запас отличается от контрольной группы носителей русского языка.

Учитывая характер инпута, анализ наименований сосредоточится на распространенности диминутивов как индикаторов разговорно-обиходной речи [Земская 2016]. В рассказах анализируется лексическая насыщенность посредством соотношения *types-tokens*, указывающего на объем активного лексикона. Анализ распределения словоформ по частям речи прольет свет на его грамматическое разнообразие. Особое внимание будет уделено соотношению номинальных и местоименных форм, а также соотношению существительных и глаголов в речи билингов и монолингов.

На основе систематического сравнения результатов русско-немецких билингов и русскоязычных монолингов будет проверена гипотеза о специфике активного лексикона русско-немецких билингов.

Литература

Montrul, S. The Acquisition of Heritage Languages. Cambridge, 2016.

Земская Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 2016.

А. Д. Козеренко (Москва, ИРЯ РАН),
Г. Е. Крейдлин (Москва, РГГУ)

ОТ РЕЧИ – ЧЕРЕЗ ЖЕСТЫ – К МОЛЧАНИЮ, И НАОБОРОТ (МЕСТОИМЁННЫЕ И МЕЖДОМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В РУССКИХ УСТНЫХ И ПИСЬМЕННЫХ ДИАЛОГАХ)

Русские диалогические тексты отличает удивительное разнообразие фразеологических средств, которые обслуживают понятийную зону перехода от молчания к речи, и наоборот. Эти единицы можно распределить по нескольким функциональным и семантическим классам, каждый из которых заслуживает подробного описания. Один из таких классов содержит обороты, выражающие общий смысл отсутствия ожидаемой речевой реакции на побуждающую речь коммуникативного партнёра, а потому маркирующие коммуникативный провал. Мы имеем в виду такие единицы, как *ни гугу* (вариант *ни гу-гу*); *ни да ни нет*; *ни ответа ни привета*; *ни бэ ни мэ* (вариант *ни бэ ни мэ ни кукареку*); *ни звука*; *ни слова* и некоторые другие, ср.:

— Я вам давно прислал статью, а от вас *ни ответа, ни привета*. (В. Баевский.Счастье).

Брат стал мировой знаменитостью, но от родных все это время — *ни гугу*. (В. Катанян.Прикосновение к идолам).

Пашка склонился к Насте и сказал: — Я уже вторые сутки страдаю — так? — а вы мне — *ни бэ, ни мэ, ни кукареку*. (В. Шукшин. Живет такой парень).

Некоторые выражения могут обозначать отсутствие ожидаемого решения некоторой проблемы, отсутствие четкого ответа, неопределенность, ср. *ни то ни сё, ни два ни полтора, ни туда ни сюда*:

— Да что же он, согласился или нет? — В том-то и дело, что *ни то ни сё*, — сказал Вронский. (Л. Толстой. Анна Каренина).

Другую группу составляют сочетания, выражающие невразумительную, бессодержательную речь, не отвечающую условиям успешности инициального иллокутивного акта, так сказать, пустую болтовню, которая тоже никак не способствует успешной диалогической коммуникации. К ним относятся такие обороты, как <одно> *ля-ля; ля-ля и ля-ля; ля-ля тополя; разводит ля-ля; <попусту>молоть языком; бла-бла-бла; <разводит> тары-бары* и др.:

Короче говоря, надоело. Тут много говорить, *ля-ля разводит* нечего. Нина у нас живет? (Л. Петрушевская.Уроки музыки).

Намедни пришел: *тары, бары*, по-французскому... лямур, — это и я разобрал, — а потом вынул из кармана стишок и давай ей читать. (К. Станюкович. Пассажирка).

Часть из этих оборотов в устной речи сопровождается параязыковыми и жестовыми единицами, усиливающими (через передразнивание) отрицательное отношение к такому поведению:

— Ой... — презрительно кривится соседка. — Вот только не надо мне *ля-ля*... Зря стараетесь! Вы вообще не в моем вкусе. (Е. Лукин. Клопики).

Ср. также выражение передразнивания *бе-бе-бе*:

— Папа старенький... *Бе-бе-бе!* Кто бы говорил! (Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть).

Некоторые фразеологизмы в составе диалога обозначают не просто отсутствие речи там, где она ожидается, а отсутствие всяких действий вообще, ср. *не мычит не телится*:

Разные театры и студии приглашали его в штат, а он *не мычит, не телится*<...> (Н. Мордюкова.Казачка).

Есть группа фразеологических единиц, которые выступают как комментарии реплик человека и показывают, например, что тот не понимает сути актуального диалога или каких-то моментов в нём, ср. *ни бельмеса; ни в зуб ногой*:

Она в машинах *ни бельмеса*. — Ошибаешься! Она в свое время прекрасно водила машину, — вдруг азартно возразил непреклонный Филипп. (Д. Симонова. Сорванная слива).

— Два часа ей талдычил — *ни в зуб ногой*. Ну азы же, азы линейной алгебры! (М. Бару. Записки понаехавшего).

В докладе предполагается обсудить семантические, синтаксические, дискурсивные и другие свойства многих из этих единиц.

Т. В. Крылова (Москва, ИРЯ РАН),

С. П. Тимошенко (Москва, ИППИ РАН)

КРАТКИЕ ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КОДИФИЦИРОВАННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ, УСТНОЙ РЕЧИ И УСТНО-ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТАХ

Как принято считать, краткие формы прилагательных являются принадлежностью книжного языка и не типичны для разговорной речи. Причину этого обычно усматривают в том, что они, подобно причастным и деепричастным оборотам, представляют собой переходные морфологические единицы, связывающие имя и глагол и специализированные для употребления в синтаксической функции, вторичной для данной части речи. Такие переходные синтаксические единицы не характерны для разговорного языка и являются приметой книжных текстов.

При этом в ряде работ отмечается, что краткие формы в разговорной речи все же встречаются. К очевидным относятся случаи, когда полная форма отсутствует в системе языка (*рад*, **радый*). Кроме того, в литературе отмечаются случаи, когда между полной и краткой формами имеет место то или иное расхождение — обычно в семантике или синтаксической функции.

Свою задачу мы видели в том, чтобы: 1) определить, у каких прилагательных краткая форма является стилистическим аналогом полной, а у каких краткая форма неравнозначна полной; 2) в случае неравнозначности форм определить природу расхождения и установить, является ли оно лексически ограниченным или характеризует некоторый семантический класс. Мы предположили, что в устной речи будут встречаться такие краткие формы, которые семантически и/или синтаксически неравнозначны полным, и не будут те, которые являются аналогами полных форм. Естественным инструментом для проверки нашей гипотезы является подкорпус устной речи в Национальном корпусе русского языка. Однако с его помощью затруднительно делать какие бы то ни было количественные оценки. Поэтому мы нашли другой проверочный материал: в интересующем нас аспекте можно также использовать тексты, бытующие в интернете и относимые некоторыми исследователями к устно-письменной речи. Таковы, в частности, электронные комментарии — короткие тексты, созданные в ходе общения в интернете на сайтах типа “социальная сеть” в ответ на другой, исходный текст-стимул. Электронный комментарий представляет собой часть диалога, кроме того, его автор чаще всего не является профессионалом в области написания текстов. Эти особенности, а также неподготовленность,

неофициальность и непринужденность акта коммуникации роднят его с разговорной речью.

Как показали результаты нашей работы, осмысление оппозиции 'краткая-полная форма' как стилистической возможно при наличии следующих условий:

1) Когда краткая и полная форма полностью идентичны по семантике и конструктивным особенностям. Такое соотношение кратких и полных форм свойственно для большинства прилагательных, обозначающих постоянные признаки (за вычетом параметрических): *известный, красивый, послушный, упрямый, капризный, бедный, беспечный*.

2) Когда между краткими и полными формами имеются семантические или синтаксические различия, однако соответствующая оппозиция носит привативный характер. Этот тип оппозиции характерен для таких прилагательных, как *веселый, грустный, голодный, трезвый, удобный, пустой*. Краткая и полная формы этих прилагательных семантически противопоставлены по признаку актуальности действия, а синтаксически – по способности занимать атрибутивную позицию. Привативность оппозиции проявляется в том, что краткая форма является маркированным членом и обозначает состояние, имеющее место в конкретный момент времени (*Я болен; Он весел*); она употребляется только в функции предиката. Полная форма, являясь немаркированным членом, может обозначать как состояние, так и постоянный признак и, соответственно, может использоваться и в атрибутивной, и в предикативной функциях. (Ср. *Ты совсем больной, не ходи на работу* [состояние] VS *Этот щенок больной, не подходи к нему* [постоянный признак]; *Он сегодня веселый* [состояние] VS *Он веселый и общительный* [постоянный признак]). В разговорном языке для обозначения состояния прилагательные этой группы употребляются в немаркированной полной форме, тогда как краткая форма оказывается принадлежностью книжного языка.

В электронных комментариях краткие формы встречаются реже, чем в текстах на КЛЯ. В имеющейся в нашем распоряжении коллекции в половине предложений они вообще не используются, что, безусловно, объясняется близостью электронных комментариев к разговорной речи. При этом появление кратких форм в каждом конкретном случае является вполне закономерным; его можно объяснить следующими причинами:

1) Семантическое расхождение между полной и краткой формами настолько значительное, что эти формы относятся к разным лексемам (сюда относятся прилагательные с модальным значением, такие как *прав, достоин, виноват, должен, страшен*).

2) Невозможность употребления полной формы данного прилагательного в предикативной позиции (ср. *Он готов, Он похож* vs *??Он готовый, ??Он похожий*).

3) Наличие у прилагательного управляемых форм, которые возможны только при краткой форме (ср. *Он всем доволен, Эта встреча важна для него* vs *??Он всем довольный, ??Эта встреча важная для него*).

4) Употребление в конструкциях, нехарактерных для полных форм:

а) Употребление в качестве сказуемого при местоименном подлежащем типа *это, все, что*: *Это неизбежно <важно, верно, глупо, тяжело>*.

б) Употребление в качестве сказуемого при подлежащем, имеющем при себе определение, выраженное личным местоимением: *Ее лицо бледно*.

Л. П. Крысин (Москва, ИРЯ РАН)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ГОРОДСКАЯ РЕЧЬ И РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

1. Сначала – **о терминах**: почему не традиционный термин «разговорная речь» (РР), а «повседневная городская речь»?

В работах по РР, выполненных по инициативе М.В. Панова и под руководством Е.А. Земской, преобладало внимание к фонетике и синтаксису, отчасти морфологии и словообразованию, то есть к таким сферам языка, которые особенно чувствительны к нарушениям (или, во всяком случае, к вариативности) литературной нормы. Плюс к этому – внимание к способам номинации в РР. Были убедительно показаны и описаны особенности РР, ее «устройство» в отличие от устройства кодифицированного литературного языка. Задача лексикографического описания РР не ставилась, поскольку имелось в виду, что у кодифицированной разновидности литературного языка и у разговорной его формы нет специфических и при этом существенных различий.

2. Лексический состав РР, его специфика представлена в этих работах меньше. Между тем, изменения именно в составе лексики устных форм речи и в коммуникативном статусе этой лексики особенно характерны и значимы для конца XX – начала XXI вв.

2.1. Коммуникативная роль устно-разговорных форм русской речи значительно возросла именно в последние десятилетия. Разговорная, просторечная, жаргонная лексика, синтаксис, характерный для устного дискурса, — обычное явление не только во всех видах бытового общения, но и в публичных сферах, в средствах массовой информации. Это движение “разговорности” в указанные сферы началось, по-видимому, со времени, когда политики перестали говорить по бумажке, когда в электронных средствах массовой информации — на радио и телевидении — стали популярными разного рода устные и при этом не подготовленные заранее интервью, ток-шоу и другие формы свободного общения.

Лингвисты пишут о невиданной прежде и не характерной для предшествующих этапов развития русского языка **коллоквиализации** публичных сфер общения (то есть насыщения их разговорными элементами).

2.2. В связи с этими явлениями весьма актуальной становится изучение лексических ресурсов современных устно-разговорных форм городской речи, их особенностей, и представление этих особенностей в виде толкового словаря.

2.3. **Лексический состав** русской разговорной речи середины XX века, которая представлена записями устной речи в работах, выполненных под руководством Е. А. Земской, – к нашим дням претерпел существенные изменения. Разговорные по своей стилистической окраске слова – лишь одна из категорий лексики, используемой в речевой коммуникации жителей современных городов. Наряду с ними массово употребляются слова просторечия, сленга, социальных и профессиональных жаргонов.

Слова и обороты, традиционно присущие **внутригрупповому** или, во всяком случае, **непубличному** общению, имеющие в словарях пометы *прост.*, *жарг.*, *груб.*, *вульг.*, в современных условиях устной коммуникации могут использоваться не только в фамильярном общении хорошо знакомых друг с другом людей, но и, например, в публичной (но при этом также устной спонтанной) речи журналистов, политиков, представителей власти, депутатов Госдумы и других групп носителей литературного языка. Ср. слова, составляющие так называемый общий сленг, то есть слой лексики жаргонного происхождения, которая хорошо знакома и носителям литературного языка и используется ими в неформальном общении (о понятии сленга см. работы Р. И. Розиной): *беспредел*, *крутой* (парень), *кинуть* ‘обманным путем выманить деньги’, *наехать* ‘напасть с угрозами, желая добиться чего-л.’, *обуть* (обмануть), *обложить* ‘грубо обругать’, *отморозок* ‘человек, лишенный каких-л. моральных принципов’, *отмывать* (деньги), *прокол* ‘неудача, ошибка’ и т. п.

Тем самым можно говорить об определенной **разношёрстности** лексики, которая используется в спонтанной устной речи горожан.

В докладе приводятся примеры **социальных, возрастных и территориальных** различий в лексике, используемой в устных формах городской речи. Эти различия не укладываются в традиционные термины «разговорная речь», «устно-разговорная разновидность литературного языка». Отсюда и возникла необходимость в термине «повседневная городская речь».

3. Кто пользуется русской повседневной городской речью? Жители городов (что очевидно из самого названия) – природные носители русского языка, то есть те, для кого русский язык – родной. К этим двум критериям надо было бы добавить третий: имеющие среднее и высшее образование. Однако надо заметить, что фактор «образование» менее определяющ, чем раньше, например, в середине XX века, – отчасти из-за катастрофически низкого уровня образования (и в школе, и в вузе), отчасти из-за того, что

жители современных городов России в подавляющем своем большинстве – это люди со средним и высшим образованием.

4. Возможно ли лексикографирование такого текучего объекта, как повседневная городская речь? Когда десять лет назад мы начали работу над «Толковым словарем русской разговорной речи» (ТСРР), то столкнулись со скепсисом в отношении самой идеи такого словаря и даже с ее открытым, публичным неприятием (В. И. Беликов, С. К. Пожарицкая и др.). Тем не менее, разработав определенную стратегию выполнения этой задачи, мы начали составлять словарь. Сейчас есть уже некоторые результаты: вышло из печати три выпуска, идет работа над 4-м.

Далее в докладе приводится краткая характеристика ТСРР, описание содержащихся в нем видов информации о слове и структуры его типовой словарной статьи.

А. С. Кулева (Москва, ИРЯ РАН)

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИИ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

Как ни странно, повседневные названия растений изучены мало, хотя это очень важный для человека разряд лексики. За исключением отдельных работ (например, статей Б. Л. Иомдина, Е. Ю. Протасовой, Е. Я. Шмелевой и А. Д. Шмелева и др.), системное и масштабное исследование этого лексического пласта не проводилось. Хорошо изучены и изучаются народные, диалектные фитонимы, но эта сфера остается за пределами современного литературного языка и толковых словарей.

Обратившись к основным толковым словарям русского языка (БАС; МАС; Ожегов, Шведова), можно обнаружить, что эта группа лексики 1) невелика (ок. 700 единиц), 2) неактуальна (поскольку словари отражают язык полувековой давности) и 3) однородна: встречаются единичные случаи постановки помет (обычно для маргинальных сейчас лексем, например: *смородина* / прост. *сморода*, *конопля* / устар. и обл. *конопель*), нечасто приводятся вариативные названия (*шпажник* ‘то же, что *гладиолус*’) причем такие лексеммы постепенно исключаются из словника. Если первые две проблемы очевидны и должны устраняться при подготовке новых словарей, то третья заслуживает более пристального внимания.

Названия растений кажутся разрядом специальной лексики, однако специальные сферы – научные (ботаника, растениеводство и др.) или профессиональные (садоводство, ландшафтный дизайн) – чаще используют латинскую номенклатуру (в силу ее более строгой терминологичности). Важным обстоятельством, препятствующим терминологическому использованию русских фитонимов, называют то, что у одного растения может быть несколько названий, тогда как одно название может относиться к разным растениям. Кроме того, растениями интересуются самые широкие

слои носителей языка: жители сельской местности и «частного сектора», садоводы-дачники, любители комнатного цветоводства, туристы.

Слова, называющие растения, точнее всего можно отнести к повседневной речи, причем эта группа лексики глубоко стратифицирована. В языке сосуществуют разные именованья, не однозначно соотносимые с конкретными растениями:

- нейтральные названия, которые могут функционировать как научные термины (обычно в составе родо-видовой формулы), выступая как синоним соответствующего латинского термина: *Черёда трехраздельная* (*Bidenstripartita*);

- обиходные названия, нередко образованные переносом названия одного растения на другое: *жасмин* (как сокращение от *садовый жасмин*, *дикий жасмин*) для обозначения популярного кустарника из ботанического рода *Чубушник* (*Philadelphus*) vs. *жасмин* – тропическое растение из рода *Жасмин* (*Jasminum*); *ясень* ‘клен ясенелистный’ и др.;

- вошедшие в литературный язык народные названия: *кашка* ‘белый клевер’ (но иногда и ‘тысячелистник’);

- просторечные именованья, часто в составе неословных названий (в отличие от терминологических – обычно описательного характера): *ванька мокрый* ‘бальзамин’, *цыганские серьги* ‘фуксия’, *денежное дерево* ‘толстянка’; такие названия крайне редко попадают в словари (*анютины глазки*), хотя обычны в повседневной речи и даже могут выступать в качестве основных нейтральных вариантов (*львиный зев*);

- псевдотерминологические названия, нередко воспринятые из переводной литературы без опоры на существующую в языке традицию: *хейрантус* – то же, что *желтушник левкойный*, или *лакфиоль*, устаревшее название – *желтофиоль*;

- устаревшие названия, встречающиеся в литературе прошлого: *желтофиоль*, *крыжант* (*златоцвет* / *хризантема*), *девица в зелени* (*чернушка* / *нигелла*);

- заимствованные названия при отсутствии соответствующей русской единицы (для растений, недавно вошедших в обиход, будь то садовые декоративные растения (*хоста*, *гейхера*) или съедобные плоды (*личи*, *рамбутан*)), а также вытеснившие русские варианты (часто со ступенью дифференциации по признаку «культурный / дикорастущий»): *гладиолус* / *ипажник*).

Как представляется, все эти типы названий нуждаются в адекватном системном словарном описании.

И. Б. Левонтина (Москва, ИРЯ РАН)

МАЛО СКАЗАТЬ И МАЛО ТОГО: НЕПОХОЖИЕ ПОХОЖИЕ

Выражения *мало сказать* и *мало того*, на первый взгляд, очень близки. И *мало сказать*, и *мало того* соединяют две части текста так, что вторая каким-то образом усугубляет первую и создается впечатление нарастания признака (климакс в терминах риторики). Однако замечательным образом они при этом сильно различаются семантически, и эти различия довольно редко нейтрализуются.

Мало сказать (что) означает, что говорящий подчеркивает, что характеристика чего-либо, указывающая на меньшую степень качества, была бы неадекватной (близкое значение выражает также сочетание *недостаточно сказать*).

Этот оборот используется для создания риторической фигуры градации. Причем это метаязыковое выражение: речь идет об одном и том же признаке, просто говорящий сначала приписывает его объекту в более слабой степени, а потом указывает, что эта степень недостаточна, и вводит новое, более сильное определение. Это особенно ясно видно в случаях, когда автор сначала использует слово, а потом еще раз его повторяет, указывая, что оно недостаточно:

Я видел, как оскорблен, мало сказать – оскорблен, унижен был, когда по выделенной квоте вместо него «избрали» в Верховный Совет Чаковского. (Г. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды).

В следующем примере автор вводит и третий член ряда: *доволен – рад – умиротворен*. При этом, кроме *мало сказать*, используется и сходный по значению оборот *не то слово*.

Шутки в сторону, я — мало сказать — доволен; даже «рад» — не то слово: я умиротворен. (Ю. Даниэль. Письма из заключения).

В основном, градационном, круге употреблений близким синонимом *мало сказать* является *не то что*:

Это было мало сказать невежливо – (это было) грубо! = Это было не то что невежливо – (это было) грубо!

Однако выражение *не то что* обладает интересным свойством. Оно, как и *мало сказать*, используется в градационной конструкции, но если *мало сказать* всегда предполагает повышение «градуса» (климакс в терминах риторики), то *не то чтобы* может подразумевать как его повышение, так и (при несколько другой интонации) понижение (антиклимакс в терминах риторики). Можно сказать, что это сочетание энантиосемично; ср.:

Не то что невежливо, (а) грубо! Vs. Не то что грубо, а/но невежливо.

Только второе (понижающее) *не то что* заменяется на *не то чтобы*.

Как и *мало сказать*, *мало того (что)* во всех вариантах и типах употребления сохраняет идею нарастания признака:

Все четыре года смуты для русской интеллигенции и буржуазии прошли под знаком бессилия, непротивления и потери всех позиций, мало того – физического истребления и вымирания. (А. Деникин. Очерки русской смуты. Том I. Крушение власти и армии).

Государь Император и вся Россия, мало того, весь образованный мир с доверием и надеждой смотрят на нас. (М. Лялина. Путешествия Н. М. Пржевальского в восточной и центральной Азии).

Поэтому части обычно нельзя поменять местами; ср. странное: *физического истребления и вымирания, мало того — потери всех позиций; весь образованный мир, мало того, Государь Император.* В этом отношении *мало того* отличается, например, от *к тому же*, в котором идеи нарастания нет.

Основное семантическое отличие *мало того* от *мало сказать* состоит в том, что если *мало сказать* тяготеет прежде всего к контекстам метаязыкового характера, маркируя коррекцию способа описания (более слабое выражение заменяется на более сильное), то *мало того* в первую очередь ориентируется на перечисление свойств самой ситуации, при котором последнее оказывается решающим: самым ярким или по крайней мере «последней каплей». По этой причине эти два выражения, на первый взгляд сходные, могут заменяться столь различными между собой оборотами как *не то слово* (= *мало сказать*) и, например, *вишенка на торте* (= *мало того*).

Отметим, что особенность выражения *более того* состоит в том, что оно передает идею нарастания недифференцированно, оно безразлично к противопоставлению выбора более сильного обозначения и накоплению свойств. Поэтому в некоторых контекстах *более того* сближается с *мало сказать*, в других – с *мало того*.

А. Б. Летучий (Москва, НИУ ВШЭ, ИРЯ РАН)

НЕСТАНДАРТНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ГЛАГОЛА В РАЗГОВОРНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С СОЮЗОМ ЧТОБЫ

Наш доклад посвящён одной разговорной конструкции с союзом *чтобы*, где маркирование зависимого глагола несколько отличается от стандартного. Речь идёт, в частности, о следующих примерах, взятых из Интернета:

(1) *Надо билет дня делать, чтобы купил и едешь на троллейбусе любом весь день, как за границей.*

(2) *Вот бы кто-нибудь (например, Хобби Бункер) сделал какой-нибудь стартер под эти правила на две армии, чтобы купил и играешь...*

Стандартно союз *чтобы* требует от глаголов в непосредственно подчинённых придаточных либо инфинитива, либо сослагательного

наклонения. Именно поэтому в работе [Зализняк, Падучева 1997 / 1975] единицы такого типа даже используются как критерий сочинения vs. подчинения (см. [Zwicky 1985; Пекелис 2015] о критерии морфосинтаксического локуса): при подчинении (3б) подчинённая клауза с глаголом *поёт* уже не непосредственно подчинена союзу *чтобы*, и время в ней не меняется; при сочинении (4б) союзу *чтобы* подчинены обе клаузы, и наклонение меняется в обеих:

- (3) а. *Пока Петя поёт, Маша танцует.*
б. *Я хочу, чтобы, пока Петя поёт (*пел), Маша танцевала.*
- (4) а. *Петя поёт, а Маша танцует.*
б. *Я хочу, чтобы Петя пел, а Маша танцевала (*танцует).*

Тем не менее, в приведённых нестандартных примерах дело обстоит не так. Клаузы, помеченные как II и III, в них соединены сочинительным союзом *и*, однако время в клаузе III настоящее – форма, которая вроде бы не должна сочетаться со *чтобы*. Более того, никакой другой вариант не допустим – стандартное маркирование типа (5) невозможно:

(5) **Вот бы кто-нибудь сделал какой-нибудь стартер, чтобы купил и играл.*

Один из способов трактовки таких конструкций – считать, что на самом деле перед нами подчинение клаузы с *а* или *и* первой клаузе (например, в (1) – подчинение части *и едешь* предыдущей, *чтобы купил*). Однако никаких веских доводов за это не обнаруживается. Конечно, аспектуальные свойства у этих частей разные (например, *купил* – точечное событие, а *едешь* – длительный процесс), но это не означает, что одна часть синтаксически подчинена другой.

Ещё один вариант – считать, что вся в целом конструкция *купил и едешь*, без выделения глагольных вершин, подчиняется союзу *чтобы*. Иными словами, мы имеем дело не со стандартным подчинением, при котором *чтобы* воздействует на подчинённые глаголы, а с подчинением целой конструкции: целая группа *купил и едешь* подчинена союзу как сложное целое, отдельные глаголы при этом подчинении не релевантны, поэтому *чтобы* не обязан воздействовать на наклонение глаголов (первый глагол находится в форме *купил* изначально). Правда, проблема заключается в том, как представить это синтаксически: и грамматика составляющих, и грамматика зависимостей стандартно предполагают, что отношение подчинения выражается, в первую очередь, на вершине (в данном случае – на глаголах *купил* и *едешь*). Одно из решений – в том, чтобы считать, что конструкции типа *купил и едешь* являются своего рода синтаксическими фразами – конечно, лексическое значение частей в них сохраняется, но специфическим свойством конструкции является соотношение между точечным и продолжительным событием. Тогда объяснимо, почему при подчинении *чтобы* последовательность *купил и едешь* ведёт себя как фраза или, говоря мягче, слитная конструкция. Такая непрозрачность фразем для

синтаксических преобразований (например, при союзе *чтобы*) не изучена или изучена крайне мало.

Заметим, что статус единого целого, единой фраземы или конструкции подтверждается и некоторыми другими аспектами поведения: например, стандартно в конструкциях типа *купил и едешь* ни при одном глаголе не выражено подлежащее.

(5') *Вот бы такой билет, чтобы купил и едешь* / **ты купил и едешь* / **купил и ты едешь*.

Литература

Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика, 6. М., 1975.

Пекелис О. Е. Сочинение и подчинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2015.

Zwicky A. Heads. *Journal of linguistics*, 21.1985.

С. О. Львова, О. Б. Сиротинина (Саратов)

РОЛЬ СРЕДЫ В РАЗГОВОРНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЯХ В НЕОФИЦИАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ

Эффективность общения зависит от сферы, в которой оно осуществляется. Именно сфера общения предопределяет состав его участников. Но кроме сферы общения, не менее значительную роль играет и та среда, которую как раз и определяют субъекты общения – адресат и адресант.

При изучении разговорных новообразований в неофициальном общении, нами было замечено влияние среды общения на эффективность и успешность такой коммуникации. В зависимости от среды общения, поведение адресанта и адресата существенно меняется, как и содержание и формат их коммуникации. Так, если в рамках рабочего общения сотрудник может сказать своему коллеге «спасибки», то студент вуза не скажет этого в беседе с научным руководителем.

Новообразования встречаются во всех сферах неофициального общения, однако их частота существенно зависит от среды общения и особенностей коммуникативных ситуаций. При анализе речи, в которой встретились новые слова, учитывались социальные роли, которые выполняют собеседники, тип их взаимоотношений, а также наличие или отсутствие общей апперцепционной базы, то есть фоновых знаний адресанта и адресата.

Новые лексические единицы встречаются в речи людей разного возраста и в различных коммуникативных ситуациях, однако большинство новообразований зафиксировано нами в рабочем, семейном и дружеском

общении. Нами были выделены **рабочее общение** (на рабочие темы), **общение на работе** (на внерабочие темы). Новообразования зафиксированы и в той, и в другой сфере общения, однако в общении, посвящённом темам, не касающимся работы, почти в два раза больше слов, не входящих в литературный язык (73 новообразования), чем в чисто рабочем общении (43 новообразования). Но именно в рабочем общении зафиксированы наиболее частотные в употреблении новообразования.

В неофициальном общении коллег, посвящённом работе, можно выделить большой пласт новообразований, которые относятся к профессионализмам. В разных коллективах в круг общающихся в рамках рабочего общения может включаться и начальник (на равных, не подчеркивая своего ранга), а может не включаться, «не общаясь» на работе, а только приказывая. В нашем материале начальник – активный участник рабочего общения.

Неофициальная обстановка в рабочем общении позволяет сотрудникам в разговорах на рабочие темы употреблять такие новообразования как *копирнУть* (сделать копию), *журналистИчно* (грамотно, как журналист), *доПники* (дополнительные соглашения) и т. д. Например: *А. Очень журналистИчно написано/ ты молодец//* (говорит начальник подчиненной).

В общении на работе на внерабочие темы были зафиксированы такие новообразования как *вайфАить* (*сидеть в Интернете через Wi-fi*), *загУглить* (найти что-то в поисковой системе Google), *ногтЮши* (ногти), *депрессУха* (депрессия) и т. д. Например: *А. Что-то ты сегодня не в настроении// Опять депрессУха что ли? – Б. Да-да/ что-то устала* (говорит начальник подчиненной).

При рассмотрении семейного общения, было выделено четыре группы лексических новообразований: наименование домашних животных (*котИска*, *мяУкалка*, *котЕйка* – кошка, *собакЕвич* и *собАкен* – собака); предметы быта (*туалЕтка* – туалетная бумага, *щИпалка* – пинцет для выщипывания бровей); продукты питания и блюда (*кетчунЕз* – смесь кетчупа и майонеза, *пельмешИ* – пельмени) и т. д.

Новообразования в неофициальном общении отличаются высокой частотностью. К их возникновению приводит, во-первых, раскрепощение, которое чувствуют адресант и адресат в кругу коллег, родственников, друзей: они не боятся ошибиться или произвести впечатление недостаточно культурных людей. Во-вторых, у людей, которые постоянно общаются, имеется общая апперцепционная база, поэтому возможны порой неожиданные для стороннего слушателя новообразования. В-третьих, собеседникам важно выразить свое отношение к предмету разговора. Это приводит к появлению экспрессивных новообразований.

Таким образом, можно сделать вывод, что именно среда влияет на сферу общения и играет большую роль в коммуникации.

ОБОСНОВАНИЯ ОЦЕНОК И ПОБУЖДЕНИЙ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: ГРАММАТИЧЕСКАЯ И СМЫСЛОВАЯ РАЗМЫТОСТЬ В СОЕДИНЕНИИ С ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭМФАЗОЙ

1. В повседневной коммуникации обоснования (причинно-следственные и целевые) во многих случаях не передаются эксплицитно (союзами и предлогами), но осознаются адресатом благодаря здравому смыслу, пресуппозициям, пониманию ситуации и контекста. Так, риторический вопрос песни *Зачем вы, девочки, красивых любите?* означает 'Напрасно любите', а затем дважды без союзов объясняется, почему не надо любить: *Непостоянная у них любовь* и *Одни страдания от той любви*. Причинные связи здесь не эксплицированы, они вытекают из содержания находящихся рядом высказываний, причем независимо от прямого или обратного расположения причины и следствия: *Всё кончено, [т.к.] он опоздал*) и *Он опоздал, [поэтому] всё кончено*). Разумеется, маркеры обоснования (союзы) помогают его более точному восприятию, однако в повседневной речи они факультативны: говорящие как бы отступают на десяток веков в прошлое и обходятся почти без знаков логической связности – как их далекие предки.

2. В устной речи «доводы» часто вообще не отделены от той правды, в которой говорящий стремится убедить адресата: эмфатические оценки насыщают экспрессией всю ткань реплики, хотя и неравномерно. Ср.: *Такой мрази не должно быть в парламенте*.

3. Устная речь (и бытовая, и публичная), в отличие от письменной, бывает (не обязательно, но бывает) повышено эгоцентричной, демонстративно субъективной, безапелляционной, что может привлекать часть адресатов как «личностное начало», «лиричность», «(новая) искренность» и т. п. В повседневной речи побуждение необязательно обосновывается; оценка часто просто высказывается – в той или иной мере эмфатично. Глагол *доказывать* применительно к живой речи реально означает 'убеждать', 'внушать', 'уверять', 'уговаривать', 'настаивать'.

4. Помимо стилистически нейтральных причинно-следственных и целевых союзов и союзных слов (*потому что, (для того) чтобы, зачем* и др.), в устной речи обоснование бывает выражено с помощью союзов с разговорной коннотацией (*потому как, ведь*) и вопросительным местоимением *что* в причинном и целевом значениях (*Что не весел?*), в том числе в косвенном падеже: *Для чего ты к ним ходил?*

5. Эмфатическая модальность риторических вопросов придает целевому наречию *зачем* отрицательный смысл: 'незачем, напрасно, не надо этого делать'. Оно встречается не только в ответах (в виде риторического вопроса), но и в повествовательных внутренних монологах: *Зачем что-то выяснять, когда мы – на пороге разлуки*.

6. В повседневной речи, в силу ее прагматической нагруженности, интонационной выразительности и склонности к эллипсисам, союзы причины и цели развивают новые значения, которые из контекстуально обусловленных постепенно становятся достаточно заметными для лексикографии. Как показала Н. Д. Арутюнова (1970), реплики возражения с начальным *Почему?* относятся не к диктуму инициальной реплики, но к ее модусу, выражая несогласие с говорящим или недоверие к его мнению или оценке. Это значение еще не отмечено в МАС, но БМ СРЯ под ред. С.А. Кузнецова включил его, с пометой *разг.* Причинный союз *ведь*, восходящий к усилительной частице *ведь*, развил значения уступки, следствия и вывода. В диалоге возражение *Почему?* может выступать как однословная самодостаточная реплика.

6. В диалоге можно слышать еще одну однословную реплику с семантикой причины: *Потому*. Это отказ называть причину чего-л.: – *Да почему же ты уверен?* – *Потому.*; – *С чего взял?* – *С того*. Отказ отвечать или объяснять что-л. дан в форме рифмованного местоименного слова, которым мог бы начинаться ответ, если бы говорящий хотел ответить. Ответ *Потому!*, конечно, насмешлив; возможно, он восходит к школярскому отказу-шутке: – *Почему?* – *Потому, что кончается на у*.

7. Причинно-следственный разговорный союз *потому как* отличается от своих однокоренных, но стилистически нейтральных синонимов (*потому (что)* и *поэтому* тем, что присоединяет придаточные предложения не только причины и следствия, но и некоторых других значений (изъявительное, пояснительное). Высказывание с инициальным союзом *потому как* может называть такое предшествующее событие, которое сам говорящий не считает причиной актуальной ситуации. В ряде высказываний в подкорпусе «Устная речь» НКРЯ информация, вводимая союзом *потому как*, относится к самому говорящему и носит характер метаязыкового или метакоммуникативного комментария к порождаемому высказыванию, т. е. к его модусу. Говорящий может эксплицировать иллюзию своего основного сообщения; может объяснять, почему его слова заслуживают доверия; может наскоро мотивировать свой выбор образного, оценочного или характеризующего слова. В ряде особенно сумбурных и путаных высказываний *потому как* не служит обоснованию диктума или модуса, а заполняет собой паузу, вызванную трудностями речемыслительного процесса. Впрочем, судя по данным подкорпуса «Устная речь», стилистически нейтральный союз *потому что* также порой оказывается бессмысленной звуковой вставкой, имитирующей логико-синтаксическую организацию речи.

Н. В. Михайлюкова (Владивосток, Дальневосточный
федеральный университет)

ПОВСЕДНЕВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ ЖИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОРОДА

Языковой колорит каждого региона, его неповторимый речевой портрет формируется разговорно-бытовыми номинациями, функционирующими в повседневных дискурсивных практиках горожан. Локально окрашенная лексика наряду с неофициальными топонимами определяет языковой быт, «речевую атмосферу» данного локуса. В докладе рассматриваются регионализмы, репрезентирующие особую концептосферу Дальнего Востока, для которой характерно сложное, но по-своему гармоничное сочетание признаков русской, европейской и восточно-азиатской культур. Местные особенности жизни, хозяйственный уклад и «социальная энергия» этой части России отражаются как в малых письменных жанрах (рекламные плакаты, вывески, объявления, граффити и т. п.), так и в устной речи горожан. Основными факторами, определяющими языковой ландшафт региона, являются: море / океан, тайга, автобизнес, соседство со странами Восточной Азии.

1. Значительная часть региона расположена на берегу моря, что порождает разнообразные номинации морской тематики: а) специфические обозначения представителей флоры и фауны (*медведка*, *самурай / чубайс* (маленькая рыбка), *йод* (ламинария), *гребень* (морской гребешок), *зубатка / зубарь* (крупная тихоокеанская корюшка); *повелся как корюшка на поролон* (о доверчивом человеке), *развели как корюшку* (обманули) и т. д.); б) частотны названия бухт и заливов Японского моря в текстах вывесок («*Ливадия*», «*Улисс*», «*Золотой Рог*» и т. д.); в) профессиональный жаргон моряков (*бар «Винные параллели»*, *бар-клуб «Баковий вестник»*; *кубрик* (спальня), *гальюн* (туалет), *артелка* (продовольственный магазин), *автономка* (самостоятельная деятельность), *адмиральский час* (время отдыха), *чайка* (попрошайка) и др.).

2. «Таежный» жаргон также широко распространен в речи не только дальневосточников, занимающихся лесными промыслами, но и обычных горожан (*тигра*, *зюбрЯ* (изюбр), *кедрА*, *кедрач* (кедровые шишки), *корень* (женьшень), *ключ* (река), *падь* (равнина между гор) и т. д.). Частотны семантические регионализмы (*багульник* – рододендрон, *кедр* – сосна корейская, *махаон* – хвостonosец Маака и др.).

3. Яркой особенностью языкового облика Дальнего Востока является широкое распространение автомобильного сленга в повседневной речи: а) разговорные названия автомобилей (*джипус*, *сафарик*, *чайник*, *кубик виноград* и др.); б) «прозвищные» именованья автозапчастей и различных процессов (*конструктор*, *распил*, *губа*, *поросенок*, *уши* и т. д.); в) номинации, отражающие поставки японских автомобилей из Японии (*авто-аукционы Японии*; *флажковые авто* и др.).

4. Дальневосточная специфика проявляется в номинациях, отражающих социально-экономические контакты со странами Восточной Азии. Особенно сильное влияние на функционирование русского языка в

данном регионе оказывает близкое соседство и многовековые контакты с Китаем: *корефан* (юноша, мужчина), *куня* (девушка), *чифан* (еда) / *чифанить* / *чифанька* (кафе китайской кухни), *камбэй* (Пей до дна!), *сесе* (спасибо), *хао* (хорошо), *пухао* (плохо); *китайка* (недорогой ресторан китайской кухни) и др. Яркой отличительной чертой языкового облика дальневосточного города можно считать тексты, в которых наблюдается своеобразный диалог культур: кафе китайской кухни «*Добрыня Никитич*», китайские магазины и парикмахерские «*У Миши*», «*Надя*» и т. п.; автомагазины «*Акира и Иван*», «*Русский Хирото*», «*Япошка Ваня*» и др.

Итак, регионально маркированная лексика является высокочастотным элементом обиходно-бытовой речи дальневосточников, демонстрирующим социально-экономические, историко-политические особенности края и этнокультурное взаимодействие с приграничными странами. Комплексное описание локализмов различных регионов позволит получить масштабное представление о функционировании данных единиц в системе национального языка и составить региолектную «карту» русского языка на конкретном этапе его развития.

Е. А. Никишина (Москва, НИУ ВШЭ, ИРЯ РАН)

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ — РЕГУЛЯТОРЫ УСТНОЙ РЕЧИ (ПО)СЛУШАЙ, (ПО)СМОТРИ, (ПО)СТОЙ И ОСОБЕННОСТИ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ

В докладе рассматриваются глаголы *(по)слушать*, *(по)смотреть*, *(по)стоять* в форме императива 2Sg и 2Pl, которые в условиях диалога утратили свое лексическое значение и перешли в разряд дискурсивных маркеров (ДМ), об основных признаках императивов в роли ДМ см. [Воейкова 2015]. В роли ДМ они могут иметь самые разнообразные функции, регулирующие взаимодействие между участниками коммуникации: привлечение внимания собеседника, переключение темы разговора, захват очередности говорения, предварение вывода и т.п.

При том, что инвентарь функций подобного рода единиц описан довольно подробно [Блинова 2016, Богданова-Бегларян и др. 2019], дифференцированно ДМ *(по)слушай*, *(по)смотри*, *(по)стой* рассматривались мало. Таким образом, целью настоящего исследования является разграничить употребления перечисленных ДМ и выявить специфику каждого из них. Исследование проведено на материале устного и мультимедийного подкорпусов Национального корпуса русского языка.

Одним из факторов, определяющих функцию ДМ, является его позиция относительно других компонентов высказывания, а также внутри последовательности высказываний одного говорящего или нескольких участников коммуникации. Безусловной для всех рассматриваемых ДМ является инициальная позиция в реплике. В этой позиции *(по)слушай*, *(по)смотри*, *(по)стой* выполняют прежде всего функцию захвата

очередности говорения [Блинова 2016], которая совмещается с функцией привлечения внимания собеседника – см. примеры (1), (2) и (3):

(1) *Слушай/ а чего ты так рано пришел?*

(2) *Стой/ а что если нам это сделать сейчас?*

(3) *Смотрите/ вы правильно говорите// Вот есть Дума/ есть президент/ то что они солидарны/ это хорошо или это плохо?*

При этом ДМ *слушай* и *стой* могут вводить любое высказывание, а *смотри* как правило предваряет объяснение или рассуждение (см. пример (4)). Эта особенность *смотри* объясняет его способность повторяться внутри реплики одного говорящего. В таком случае *смотри* используется как средство контроля внимания собеседника, как способ запроса обратной связи, подтверждения того, что собеседник следит за рассуждением, а вместе с этим и как ритмообразующий маркер.

(4) *Смотрите/ какая есть проблема// Вы упустили один опять момент/ чтобы его пригласить в офис/ надо ему сделать финансовое предложение/ да// То есть смотрите/ получается/ мы забронировали билеты/ точные цены билетов известны/ правильно? Нам пришло/ то что отель available/ да? Хорошо/ тогда смотрите/ усложним/ что называется / ситуацию//*

Рассматриваемые императивы обнаруживают также разную степень свободы на перемещение внутри одного высказывания. Самым автономным в этом аспекте является ДМ *(по)слушай* (см. примеры (5) и (6)). Вероятно, это связано с тем, что данный ДМ в силу своей большей частотности десемантизировался сильнее остальных и стал более полифункциональным.

(5) *Как там Шурка-то/ слушай (*смотри *стой)?*

(6) *Ну ладно/ слушай (*смотри *стой)/ я так рад тебя слышать//*

Кроме перечисленных особенностей, в докладе будут проанализированы и другие свойства рассматриваемых ДМ: их способность нести эмоциональную нагрузку (*Слушай, ты!* как грубый способ привлечения внимания), корреляция их функций с просодическим оформлением (например, способность к растягиванию гласных, усечению и т.п.). Таким образом, данное исследование позволит сделать шаг в направлении качественной дифференциации средств регуляции речевого взаимодействия.

Литература

Блинова О. В. Слушай, смотри, подожди, скажи, извини: частотные императивы как «коммуникативные девайсы» // XLV Международная филологическая конференция 14–21 марта 2016 года. Тезисы докладов.

Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Шерстинова Т. Ю., Мартыненко Г. Я., Зайдес К. Д., Попова Т. И. Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные

технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2019». М., 2019. № 18. С. 72–85.

Воейкова М. Д. Варьирование форм СВ / НСВ в императиве: анализ факторов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. Т. 11. № 1. С. 539–564.

ТСРР 2019 – Словарная статья «постой(те)» // Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3: П – Р; отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Н. А. Николина (Москва, МПГУ), З. Ю. Петрова (Москва, ИРЯ РАН)

МЕТАФОРЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Для современной художественной прозы характерно интенсивное использование метафор обыденной речи, которые обычно служат для образной характеристики и оценки лиц, предметов, явлений. Активно употребляются разговорные, просторечные и жаргонные метафоры, при этом границы между ними подвижны и размыты. Метафоры повседневной речи регулярно используются в повествовании от первого лица, в сказе, в несобственно-авторском повествовании, в диалогах разных типов. Так, например, в романе Шамиля Идиатуллина «Город Брежнев» в повествовании от лица подростка последовательно употребляются просторечные метафоры и метафоры молодежного жаргона: «Сани не было дома – *мотался* где-то с кем-то, видимо», «Пацаны явно *припухли* от моей наглости, потому что не могли *врубиться*, *мозги я отстудил* или такой дерзкий», «Чувак на секундочку *отлип* от дырки», «*Махаться* ведь совсем не хотел», в том числе регионализмы: «Школьники целый день *шляются* по улицам, свою территорию охраняют, а чужих колотят. Это называется «*моталки*». Эти метафоры характеризуют и персонажа, и окружающую его среду, при этом слова *махаться*, *мотаться* и *моталки* являются ключевыми в романе.

В современной прозе представлены разные семантические группы метафор, среди которых наиболее активны метафоры-зоонимы, кулинарная лексика, обозначения растений: «*Кор-ровы* безрогие! – злобно прорычал Градусов девицам» (А. Иванов), «Он через стену живет с вами и ко всему принохивается. *Крыса*» (Е. Долгопят), «Заплатив, я быстро пошел к выходу с арбузом у живота. — *Постой, пельмень*. — Я не *пельмень*. — Чего ты сказал?» (С. Шаргунов), «Неоспоримо твое ролевое превосходство. Ты претерпеваешь в незаслуженном небрежении, а я — ничтожество, *бамбук*, несостоятельный мужчина» (М. Бутов).

Метафоры этих групп подчеркнуто экспрессивны и служат средством выражения субъективной оценки, при этом их функции могут варьироваться. Так, например, метафора *курица* может служить шутливо-ироническим

обозначением глупой, слабой женщины, может использоваться как ругательство. В современной прозе она служит средством характеристики другого персонажа или самохарактеристики: «*Курица* безмозглая. Отдельная квартира ей требуется» (Е. Долгопят), «В выражениях, которые даже шофёр слышал не каждый день своей жизни, она объявила, что никто никуда не едет <...> — Где эта п...головая *курица*? Кого она хотела обмануть? (Л. Улицкая), «Да что вы, Антон! Я слабая и безвольная *курица*. И рыдать мне совершенно не хочется» (А. Маринина). Метафора *курица* может обозначать даже мужчину: «При одном взгляде на меня его перекашивало. Пару дней он ограничивался тем, что обзывал меня придурком и обгаженной *курицей*, потом чуть не сломал мне нос якобы за то, что я сидел на его носках» (М. Петросян), реже она используется как средство описания внешности: «Разместились у самого моря, окруженные скоплением тел. Люди купались, болтали ни о чем, нервная, обгорелая до состояния *курицы-гриль* одинокая дама затягивалась коричневой сигареткой» (С. Шаргунов).

Метафоры отмеченных групп регулярно сочетаются с оценочными распространителями, которые уточняют образную характеристику, многие из таких сочетаний имеют устойчивый характер: *мокрая курица*, *мороженная (отмороженная) курица*. Такие сочетания могут использоваться и в сравнительных конструкциях: «Понимал, что, если она уезжает якобы в командировку на два дня, значит, едет на аборт. Она приезжала бледная до синевы, осунувшаяся, выпотрошенная, как *магазинная курица*» (М. Трауб), «Давай, кадет, шевелись, что ты как *курица отмороженная*? По тестам должен быть шустрим!» (В. Васильев).

В современной прозе активно используются как субстантивные, так и глагольные метафоры, которые дают образную характеристику действия: «Уж не мент ли я поганый? Понимая, что нужно как-то эту проблему решать, а то чем черт не шутит, могут и *замочить*, пришлось попросить Серегу всем объявить, что я недавно зашился» (А. Моторов), «А ты вообще *увяла*, Митрофанова» (А. Иванов), «Смотрела по телевизору репортаж из Кремля. Парни мои сегодня *зажигали*» (Е. Водолазкин), «*Отпахал* учебную неделю» (Ш. Идиатуллин).

Метафорам повседневной речи, как и самой этой речи, присущи подвижность и быстрое обновление. Часть метафор, используемых в современной прозе, развивают традиционные образные параллели. Одновременно в ней появляются метафоры новых семантических классов, в частности связанные с употреблением компьютерной лексики, например: «Обложили, бежать из дома, но тут же обнаруживалось, что ему все же хотелось увидеть... Мотю — только в *ангрейд-версии*» (М. Кучерская), «В этом конвейерном группенсервисе, обслуживая и подвергаясь обслуживанию, выменивая не вещь на вещь, не товар на деньги, не деньги на силу, а — услуги на услуги, ты и сам лакируешься, штукатуришься, ретушируешься, подвергаешься *ангрейду*, — и быстро и незаметно

усредняешься в презентабельную евростандартную евронедвижимость» (А. Гаррос, А. Евдокимов).

А. Р. Пестова (Москва, ИРЯ РАН)

ДИНАМИКА СТИЛИСТИЧЕСКОГО СТАТУСА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА -КА – НАЗВАНИЙ ПОМЕЩЕНИЙ

В докладе рассматривается динамика стилистического статуса существительных на *-ка*, называющих помещения, в русском языке XX — начала XXI в. на примере слов *боковушка*, *бытовка*, *временка*, *курилка*, *подсобка*, *раздевалка*, *сушилка* и *читалка*. Все эти существительные, являющиеся универбатами с общим семантическим компонентом 'помещение', в толковых словарях русского языка сопровождаются разными стилистическими пометами. Различия в их стилистическом маркировании наблюдаются как при сопоставлении разных словарей, так и в пределах каждого из них в отдельности. Так, в СУШ *курилка* даётся с пометой «простореч.», *раздевалка* — «разг. фам.», *читалка* — «школьн. и вузовск., арг.», а *сушилка* не имеет стилистических помет. В ТСРЯ все они маркируются пометой «разг.», кроме существительных *временка* и *сушилка* (без пометы) и *читалка* («прост.»). Особый интерес представляет слово *раздевалка*, которое во многих словарях традиционно даётся как разговорный вариант нейтрального, но в современном языке малоупотребительного *раздевальня* (СУШ, СО 1952, БАС-1, СО 1973, МАС-2, ТСРЯ, БТС).

Разные стилистические пометы при словах, сходных и по форме, и по значению, в словарях разного времени могут свидетельствовать: а) об изменениях их стилистического статуса; б) о теоретической неразработанности ключевых понятий стилистики и лексикографии и критериев стилистической дифференциации слов; в) о субъективности стилистических помет. Что касается разнобоя при этих словах в пределах одного словаря, то это может говорить, помимо б) и в), также о том, что, несмотря на сходство формы и значения, у них есть какое-то различие, влияющее на стилистический статус. В рамках данной работы предпринимается попытка определить, что является следствием объективных стилистических процессов, а что — следствием авторской субъективности. В целом при анализе динамики стилистических помет в словарях наблюдается их общее движение в сторону разговорности: так, в толковых словарях последних десятилетий все эти слова (кроме *сушилка*, которое везде даётся без пометы) маркируются «разг.». Поэтому нашей целью является также выяснить, какие факторы влияют на повышение стилистического статуса слова. Помимо материалов словарей, используются данные НКРЯ, а также примеры из современной литературы, публицистики, блогов и форумов.

Словари

БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.-Л., 1948–1965.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

МАС-2 – Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984.

СО 1952 – *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. С. П. Обнорского. М., 1952.

СО 1973 – *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1973.

СУШ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

М. Н. Приемышева (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН)

РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА VS РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В последние десятилетия классическая лексикография перестает быть разноаспектным описанием лексического реестра того или иного языка, а постепенно становится методом изучения и более глубокого осмысления того или иного языкового объекта, формой новых научных исследований и, иногда, единственным способом их системной репрезентации.

В период лексикографического ренессанса конца XX – начала XXI века и появления новых лексикографических технологий закономерно возникла необходимость научного осмысления новых объектов или более углубленного исследования объектов, ранее лексикографически не описанных. Таким объектом, безусловно, стала *разговорная речь*.

Появление крупных словарных проектов по описанию живого русского языка (Г. Н. Складаревская), разговорной речи (Л. П. Крысин), разговорной экспрессивной речи (В. В. Химик), а также многочисленных словарей по языку города позволило исследователям говорить даже о появлении *речевой лексикографии* (Н. А. Осьмак).

Однако при обращении к такому сложному «многоканальному» по форме и механизмам функционирования объекту, как разговорная речь, и к принципам ее отражения в бумажных словарях возникает целый ряд серьезных теоретических проблем, которые требуют от авторов-составителей таких словарей дополнительных для традиционной лексикографии ресурсов и подходов.

1. *Устная разговорная речь* до последнего времени в толковых словарях является некоторым мифологическим объектом, условной научной

реконструкцией, так как традиционно в них описывается *разговорная лексика из письменных источников*.

2. *Стилистические границы «разговорности»* такой лексики на протяжении более 200 лет представляют собой сложную историко-лексикографическую (пометы в словарях) и стилистическую проблему, и зачастую соответствующие пометы различно интерпретируются не только в разных словарях, но и в рамках одного словаря. Это можно проиллюстрировать на примерах использования и неиспользования пометы «разг.» в БАСе и Словарях новых слов. Проблема связана не только с диффузностью объекта описания, но и с языковым чутьем лексикографов.

3. *Функциональный объем понятия разговорной лексики*, передающей разговорную речь, невероятно широк, что позволяет в отношении нее использовать термины, характеризующие как сам объект, так и различные его аспекты: помимо разговорной и просторечной лексики, это — устная, спонтанная, неподготовленная, повседневная, обыденная, разговорная речь / живой, разговорный язык и т.п. Дублетность, синонимичность терминов в одной интерпретации или принципиальные их различия в другой свидетельствуют о неоднозначности описываемого объекта. В этой связи термин *повседневная речь* для характеристики объекта лексикографического описания представляется еще более спорным и сложным, чем *разговорная*.

4. Современные технологии позволяют исследовать устную речь в различных аспектах, в том числе в лексикографическом, при этом необходимо учитывать, что *устная речь* как функционально иная парадигма языка требует и новой лексикографической парадигмы ее описания. Однако как показывает, например, апробация материалов звуковой базы данных «Один речевой день» (СПбГУ), при работе с которой максимально учтены все основные параметры фиксации и анализа устной речи (Н.В. Богданова-Бегларян и др.), при попытке лексикографически в форме эссе достоверно отразить *речевой материал* объективными зонами описания остаются по-прежнему только лексика и грамматика, тогда как фонетика, орфоэпия, семантика, синтаксис являются зонами вариативными и нестабильными.

Таким образом, не ставя под сомнение актуальность и важность лексикографического описания *устной разговорной речи*, полагаем принципиально важным определение при ее описании четких критериев выделения самого объекта и использование лексикографических приемов и подходов, которые должны существенно отличаться от лексикографирования *разговорной лексики*.

Е. Ю. Протасова (Хельсинки)

ЭМИГРАНТСКАЯ РЕЧЬ О ЕДЕ

Дискурс о еде, как показывают многочисленные работы, представляет собой полигон для исследования всевозможных практик устной речи (например [Китайгородская и др. 2013, Dürrschmid 2005]). Лингвистика обращается к наименованиям еды, разным типам дискурсов о еде, к разговорам о семантике вкуса, запаха и вида блюд, к общественной дискуссии вокруг значения и качества еды и т.п. [Allen 2012, Szatrowski 2014 и др.]. В истории и в культуре еда становится частью идентичности и самобытности [Kittler et al. 2017; Rozin, Rozin 1981]. Привычки питания в эмиграции проявляются как элемент индивидуальной семиотики, как примета культурных практик и в то же время как показатель интеграции (ср. [Parasecoli 2011, Peterson 2018]).

Рассказы о собственных привычках питания собирались нами у русскоязычных эмигрантов в Германии, на Кипре, в США и Финляндии. Кроме того, мы изучали некоторые интернет-дискуссии о еде русскоязычных обитателей зарубежья. Мы рассматривали процесс построения культурной самоидентичности в нарративе сквозь призму возможных взаимоотношений с продуктами питания, воспоминаний, приписывания тех или иных маркеров, переключения кода, ностальгии и адаптации.

Выделяются наиболее частотные типы обсуждений и проблемные узлы дискурсов, а также типы эмигрантской речи о еде (ср. [Вайль, Генис 2006; Протасова 2019, Розина 2017]). Объединяет не только сидение за общим столом и наслаждение совместной трапезой, но и воспоминания о том, что ели в детстве, как происходило знакомство с кулинарными особенностями разных стран, какой выбор в момент покупки продовольствия, приготовления блюд и приглашения гостей приходится делать тому, кто не живет в России. Названия продуктов питания входят в число наиболее ранних, усваиваемых ребенком, и становятся одними из первых, которыми овладевает мигрант. Шок от некоторых кушаний, с которыми знакомятся в новой среде, необходимость трансформировать приемы обработки продуктов, переживание окружающего дискурса о здоровом и правильном образе жизни – все это воплощается в беседах о еде на разных стадиях иммиграции. Заимствованные и приспособленные к русской речи слова сочетаются с подменами по смыслу и форме, с переживанием усвоения норм, с эмоциональным возвращением к привычным вкусам и самоутверждением. Особые слова используются, чтобы хвалить и ругать прежние и новые вкусовые предпочтения.

Литература

Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. М.: Независимая Газета, 2006.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н., Долешаль У. и др. Еда по-русски в зеркале языка. М.: РГГУ, 2013.

Протасова Е. Кулинарные и пищевые практики русскоязычных иммигрантов в Финляндии // *Этнография*, 2019, 2(4), 23-45.

Розина Т. ...отрывки из памяти, память в отрывках... // *Literarus – Литературное слово*, 2017, 1(54), 14-19.

Allen J.S. *The Omnivorous Mind. Our Evolving Relationship with Food.* Boston: Harvard College, 2012.

Dürschmid K. *Lebensmittel als Kommunikationsmittel – Die semiotische Lebensmittelqualität // Ernährung*, 2005, 29(3), 126–128.

Kittler P.G., Sucher K.P., Nelms M. *Food and Culture.* 7th ed. Boston, MA: Cengage Learning, 2017.

Parasecoli F. *Savoring semiotics: food in intercultural communication // Social Semiotics*, 2011, 21(5), 645–663.

Peterson E. *Coffee and Danish in Sanpete County, Utah: An exploration of food rituals and language shift // Kühl K., Petersen J.H. (eds.). Selected proceedings of the 8th Workshop on Immigrant Languages in the Americas (WILA 8).* Somerville: Cascadilla, 2018, 80-87.

Rozin E., Rozin P. (1981) *Culinary themes and variations. Natural History*, 90(2), 6-14.

Szatrowski, P.E. (ed.) (2014) *Language and Food. Verbal and nonverbal experiences.* Amsterdam: John Benjamins.

Ратмайр Ренате (Вена)

КАК В ПОВСЕДНЕВНОМ ОБЩЕНИИ ГОВОРЯТ О ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНЯХ?

Здоровье является одной из базовых ценностей современного российского общества. Не удивительно, что для пожилых людей важной темой повседневного общения является именно тема здоровья. Однако, как показывают социологические опросы, 87,3% более молодых россиян, тех, кто родился в 80–90 е гг. прошлого века, поставили заботу о собственном здоровье на первое место.

В докладе я попытаюсь рассмотреть, как современные носители русской разговорной речи говорят о здоровье и болезнях. Анализируются записи непринужденных диалогов, распространенные в повседневном устном общении разного рода этикетные формулы и устойчивые выражения, а также результаты проведенного опроса информантов. Полученные данные сопоставляются с результатами аналогичных наблюдений, проведенных в немецкоговорящей среде.

1. В повседневном общении употребляется несколько **этикетных формул**, содержащих корень *-здоров-*.

Например, для русских вполне естественна ответная речевая реакция-пожелание *Будь здоров/ будьте здоровы*, если собеседник чихает. Подобные этикетные формулы употребляются и в ситуации делового общения. Немецкое же *Gesundheit!* в сходной ситуации не вполне уместно. Современный немецкий (бизнес-)этикет требует «не заметить» чихание, а

тот, кто чихает, должен просто извиниться. Пожелание здоровья, согласно бизнес-этикету, подчеркивало бы «слабость» адресата, что противоречит идеологии успешности.

Русское сочетание *на здоровье* употребляется не только во время трапезы (в этикетных репликах-предложениях с императивами *кушайте, ешьте, пейте: Ешьте на здоровьеи др.*) или после комплиментов-благодарности за вкусную еду (– *Спасибо, всё очень вкусно! – На здоровье!*), но и в сочетании с другими глаголами потребления чего-л. (например, при покупке пальто: *Носите на здоровье! Приходите ещё* (Разговор на вещевом рынке // НКРЯ, 2007).

В немецком речевом этикете выражение «на здоровье» существует только как тост в ситуации застолья: (*Auf die Gesundheit!*), эквивалентный русскому *Будь(те) здоров(ы)!*; *Ваше (твое) здоровье!*

В русской разговорной речи выражение *будь здоров* нередко употребляется как усилительная частица в значении 'очень много, очень сильно, очень хорошо': *Что ты в Малом оперном/ он в Маринке пел/ будь здоров пел.* (Разговор о театре // НКРЯ, 1960–1980).

2. Если обратиться к хрестоматиям устной разговорной речи, то можно заметить, что темы, связанные со здоровьем иногда присутствуют. Ср, например, запись разговоров в ситуации «Больница» [Китайгородская, Розанова 2005: 474–480], а также несколько примеров в разделе «Общение в семье» в [Живая речь... 2011: 12–72].

3. Дополнительным источником для описания повседневного дискурса о здоровье явился опросник, в котором я попросила респондентов вдуматься в описанные ситуации (их 10) и ответить на вопросы или составить маленькие диалоги. Приведем несколько предварительных результатов анализа опроса.

– Как и следовало ожидать, большую роль в характере развития темы здоровья играет фактор **степени близости собеседников**. Близким говорят прямо даже о тяжелых болезнях. Однако при этом часто употребляют вводные реплики предупредительного характера, типа: *У меня серьёзный разговор... Ты не волнуйся*. Постороннему или малознакомому собеседнику обычно отвечают только в общих чертах, не вдаваясь в подробности.

– Операции многие боятся (*Волнуюсь прямо как перед экзаменом...*).

– Говорящий обычно склонен приуменьшать тяжесть заболевания (*Ты знаешь, я, кажется, сегодня не в форме. Как бы не разболеться* – м. 62 г.).

– Реже возможны случаи, наоборот, сильного преувеличения страданий. Например, когда болит живот или голова, говорят: *Мне кажется, я умру* (м. 21).

– Возможность смертельного исхода болезни, как правило, – табу. Однако о тяжелых болезнях, таких, как рак или инфаркт, стали говорить и в русской и в австрийской среде более откровенно, чем еще двадцать лет назад. Как представляется, такие изменения связаны с целым комплексом причин социального плана: развитие медицины, распространение информации об

этих болезнях через интернет и СМИ, реклама лекарств и медицинских услуг и др.

– Русские информанты отмечают, что в последние годы их поведение в ситуации эпидемии гриппа значительно меняется. Чувствуя признаки приближающегося заболевания, многие предупреждают собеседника об этом. Ср.: *Держись от меня подальше; Мне кажется, что я заболеваю гриппом. Давай сегодня наденем на лицо маски и будем спать в разных комнатах.* (ж. 73 г.). С другой стороны, в обществе достижений, где требуется постоянно демонстрировать свою успешность и скрывать слабость, уязвимость, принято умалчивать о своих болезнях.

Интересную особенность немецкого дискурса о здоровье приводит один информант (м. 77 лет) Его мнение весьма типично: *Больше всего люди любят говорить о своих собственных болезнях. Даже в ситуации, когда они только что услышали о том, что собеседник чем-то болен. Дают советы, что обязательно нужно сделать.* (перевод автора – Р.Р.) Иногда это воспринимается контрагентом как попытка побыстрее избавиться от проблем собеседника. Удивительно, что среди русских информантов ни один не высказал такое наблюдение. Свидетельствует ли это о большей терпимости русских к страданиям других?

Во всяком случае вопрос о самочувствии собеседника (*Привет, ну как ты?/ Здравствуйте, ну как дела/ как Вы поживаете?*) в русской речевой среде чаще (пока) воспринимается как действительно вопрос, на который обычно отвечают. В немецкой речевой среде, вслед за английской и американской речевыми традициями, подобные реплики все чаще превращаются в формулы приветствия, на которые ответа не требуется. Небольшой тест, проведенный мною среди австрийских коллег, показал, что из десяти опрошенных только один обычно повторяет вопрос о здоровье, если собеседник не отвечает на него. Остальные девять человек относятся к вопросам подобного типа как к расширенной формуле приветствия.

Литература

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. 2-ое издание, М., «Научный мир», 2005.

Живая речь... Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы: Хрестоматия Екатеринбург / составитель И. В. Шалина, изд. Урал. Ун-та. 2011.

Р. И. Розина (Москва, ИРЯ РАН, РГГУ)

**КРОХОТКИ: О ТОМ, ЧЕГО НЕТ
В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»**

В докладе рассматриваются значения слов, отдельные слова и словосочетания, по разным причинам не попавшие в «Толковый словарь русской разговорной речи» (ТСРР).

- прономинальное значение слова *история*, например: *Кинотеатр – это совсем другая история* (Тв «Малахов», 17.01.2018);

- значение предлога *про* в конструкциях типа *Паллиативная медицина – это не про смерть помощь, это про жизнь помощь* (Тв «Правила жизни», 04.09.2018);

- новый изъяснительный союз *то что*, например: *Я и сейчас, если честно, верю то что мы можем его [пса] найти* (Тв «Синяя птица» 28.11.2019);

- новый подчинительный союз *то чтобы*, например: *Мне хочется с ней [с мамой] делиться, и мне хочется то чтобы так оставалось всю жизнь* («Синяя птица», 28.11.2019);

- значение местоимения *такой* в конструкции *А я такой /такая* и *А я ему такая*, например: *Она мне говорит: «Оставайся после уроков». А я такой: «Не останусь»;* *Он мне такой: «Пивка хочешь?»* (Записи устной речи, 2019);

- наречие *походу* вместо *похоже*, например: *«Когда Вы были в последний раз?» – «Походу в прошлом году»* (Диалог в поликлинике, 2018);

- значение слова *тема* в конструкции *не его тема*, например: *Мы попросили актера продемонстрировать, «а что под ним». Стас легко согласился, хотя раздеваться для журналов— не его «тема»* (Комсомольская правда, 12.12.2009).

- звукоподражательное существительное *ля-ля*, например: (Ответная реплика :) *Не надо ля-ля!* (Запись устной речи, 2019).

- выражение *можно пожалуйста* + инфинитив, например: *Можно пожалуйста повесить пальто?* (Запись устной речи, 2018).

М. В. Сандакова (Нижний Новгород)

НЕРЕАЛЬНО КРАСИВО

(ИНТЕНСИФИКАТОРЫ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ)

1. В русском языке идёт непрерывное пополнение группы интенсификаторов, источником которого служат качественные прилагательные и наречия.

В числе механизмов порождения семантики интенсивности лингвистами описаны: метафора (*оглушительный грохот – оглушительный успех, ангельский лик – ангельское терпение*), вычленение имплицированного семантического признака высокой степени (*невероятные слухи – невероятные усилия, страшно в темноте – страшно умный*) и др., см. [Ермакова 2015; Кустова 2011].

Формирование интенсификационного значения – заключительная ступень развития многозначности признакового слова, на которой происходит семантическая редукция до идеи чистой интенсивности.

2. Переход в разряд интенсификаторов нередко сопровождается стилистическими изменениями: книжные и стилистически нейтральные единицы приобретают разговорный характер, ср.: *астрономические приборы* – *астрономические цены, клинические исследования* – *клиническая дура*.

3. В словарях интенсификаторы обычно толкуются с помощью формулировок «очень большой», «очень сильный», «чрезвычайный», «чрезмерный», «исключительный» и др. В случае метафорического происхождения дается помета «*перен.*».

Лексикографическое представление значения интенсивности (в виде соответствующего компонента словарного толкования) не всегда последовательно. Например, в МАС оно есть у слов *невероятный, неправдоподобный, несказанный*, но отсутствует у *невообразимый, невыносимый, невыразимый, немыслимый, nepозволительный, nepостижимый, nepреодолимый, неслыханный, нестерпимый* и др.

4. В языке конца XX – начала XXI в. в функции интенсификаторов активизировались слова *нереальный* и *нереально*.

Их интенсификационные значения пока не получили словарной фиксации, в том числе в «Словаре русской идиоматики» [Кустова 2008] и «Толковом словаре русской разговорной речи» [Толковый... 2017]. Между тем на наших глазах они становятся всё более употребительными в языке СМИ и рекламы, в разговорной речи и интернет-коммуникации.

Прилагательное сочетается преимущественно с именами абстрактной семантики: *достичь нереальных успехов, набрать нереальный темп, получить нереальный эмоциональный заряд, выполнить нереальный объём работы, лидировать с нереальным отрывом*.

Сочетаемость с названиями предметов и лиц имплицитно подразумевает степенную характеристику сигнификата имени: *нереальный красавец* (подразумевается высокая степень красоты), *нереальный пианист* (высокая степень таланта и профессионализма), *нереальный подарок* (высокие качества и ценность). Словосочетания с конкретными существительными производят впечатление большей сниженности и, возможно, некоторой некорректности.

Наречие сочетается с прилагательными, наречиями и глаголами: *нереально вкусное мороженое, нереально чисто звучать, нереально обрадовать*.

Судя по материалам НКРЯ, частотность адвербиального интенсификатора выше, чем адъективного.

Прагматическая установка говорящего при выборе данных интенсификаторов обычно связана с выражением одобрения. Употребления в отрицательно-оценочных контекстах возможны, хотя более редки, ср.: *нереальный просчёт городских властей, реклама нереально раздражает*.

5. Проблема описания расширения класса интенсификаторов представляется актуальной в лексикографическом и нормативном аспектах.

Литература

Ермакова О. П. Семантические категории в лексике и грамматике русского языка. М., 2015.

Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Magn’ы-прилагательные) // Слово и язык: сб. ст. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. И. М. Богуславский. М., 2011.

Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс] // <http://dict.ruslang.ru/magn.php>.

Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2: К – О / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2017.

Г. Н. Складневская (Санкт-Петербург)

СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XXI ВЕКА КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК СЛОВАРЯ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ (ПОВСЕДНЕВНОЙ?) РЕЧИ

Термин «повседневная речь», получающий всё большее распространение и конкурирующий с традиционным, поддержанным авторитетом Ш. Балли термином «разговорная речь», не представляется убедительным, поскольку не имеет определенных дефинитивных и системных характеристик и не встраивается в существующую лингвистическую терминосистему. Едва ли можно говорить о возможности замены термина «разговорная речь», который имеет определенные и достаточно хорошо к настоящему времени описанные объем семантики (Л. П. Крысин) и определенное место внутри терминологического поля. Создание специального словаря разговорной лексики давно назрело и ожидается лингвистическим сообществом с большим нетерпением.

Одним из источников и ориентиров в создании такого словаря мог бы стать фундаментальный Словарь русского языка XXI века под ред. Г. Н. Складневской, т. 1, «А-бета-частица» 11 700 слов 1160 с. СПб., 2019. Для функциональной и стилистической характеристики лексики в Словаре используется широко разветвленная, разноуровневая и разноаспектная совокупность помет, которые маркируют лексику разных сфер деятельности в социальной или профессиональной среде, и среди них важное место занимает разговорная лексика. Массив разговорной лексики состоит из слов собственно разговорных (используемых носителями

литературной нормы в неофициальной обстановке в сфере непринужденного общения, как бытового, так и за пределами бытовых тем), а также «детские» (характерные для сферы общения с детьми — слова, употребляемые самим ребенком или взрослым в разговоре с детьми: *агу, агушеньки, ам-ам, баиньки, бай-бай, баюшки-баю, дедуля, детка, деточка, дядя, дяденька, киска, зайка, зайкин, садик* ‘детский сад’). К собственно разговорной примыкает разряд близких по стилевым качествам профессионализмов (употребляемых представителями разных профессий, ремесел, промыслов и т. п. в непринужденной обстановке производственного общения), а также жаргон, эпизодически употребляемый в разговорной речи в качестве экспрессивного речевого средства.

С точки зрения стилистического статуса в пределах массива разговорной лексики выделяются разряды лексики фамильярной (демонстрирует не только социальную близость между говорящими, но и некоторую бесцеремонность общения: она содержит элементы языковой небрежности, опрошенности, насыщена экспрессией, изобилует коннотациями, эмоциональными оценками, ассоциативными отсылками) и сниженной (отражает низкую социальную значимость, и, как правило, низкую семантику, связана с грубыми формами повседневной жизни и обычно содержит элементы резкой оценки).

В аспекте коннотативной характеристики (эмоциональной, экспрессивной и оценочной) пометы демонстрируют устойчивую эмоциональную окраску или оценку. Наряду с традиционными для русской лексикографии пометами (*Бран., Ирон., Ласк., Неодобр., Пренебр. Презрит. Шутл.*), применяются и некоторые новые: *Одобр.* (одобрительно, напр., *трудога*); *Насмешл.* (насмешливо, напр., *мыльная опера*); *Оскорбит.* (оскорбительно, напр., *дебил, дерьмо, жид, мразь*). Разноаспектный характер стилистической окраски, обусловленный наслоениями разных факторов, показан сочетанием помет. Лексикографическая практика заставляет признать, что объективно чрезвычайно трудно установить границу между словами, маркированными разными пометами, что связано, в частности, с тем обстоятельством, что на стилистический статус каждого слова влияет слишком много разнородных факторов: ситуация его употребления, контекстное окружение, иллокутивная сила высказывания, а также неизбежный субъективный характер каждой оценки, например, то, что для одного человека связано с выражением пренебрежения или насмешки, другим может быть воспринято как презрение или оскорбление.

Е. А. Смирнова (Москва)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СООТНОШЕНИЯ НЕЙТРАЛЬНЫХ И РАЗГОВОРНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ НА -АК/-ЯК⁶

В ходе работы над Словарем прилагательных и наречий перед коллективом авторов встают не только лексикографические, но и исследовательские задачи. Лексико-грамматический класс прилагательных характеризуется способностью многих из входящих в него единиц к образованию наречий, в меньшей степени — к образованию существительных. Последняя способность к продуцированию представляет особый интерес для исследователей, особенно с точки зрения стилистики.

Предлагается к обсуждению словообразовательный тип существительных с суффиксом *-ак* (орфогр. вариант *-як*), именующих предмет (одуш. или неодуш.), мотивированных прилагательными и характеризующихся признаком, названным мотивирующим словом. Исключение составляют единичные образования, мотивированные не прилагательными, а существительными с суффиксами *-ак* и *-няк* типа: *сосн-як*, *столб-няк*, *дуб-няк*. Еще реже образуются существительные, обозначающие предмет или явление, по действию, называемому основой глагола, например: *вис-як* '1. Состояние неясности, двусмысленности, трудное положение. 2. Уголовное расследование, не доведенное до суда, «зависшее»'.

Ударение в словах этого типа всегда падает на флексию, в форме Им. п. ед. ч. — на суффикс, независимо от ударения мотивирующего слова [АГ-80: 170], акцентологический тип 3b [Зализняк 2003: 418]. К данному словообразовательному типу относятся существительные м. р. I скл. По данным Академической грамматики тип проявляет продуктивность в разговорной речи и просторечии [АГ-80: 170].

Целая группа слов, относящихся к данному лексикографическому классу, имеет нейтральную стилистическую окраску и описывается в толковых словарях без помет (далее б/п) или иногда с пометой *обл.* (областная лексика). К ним относятся, в первую очередь, слова типа *сквозн-як*, *бедн-як*, *молод-няк*, названия посадок деревьев, зарослей кустарников, растений: *ив-няк*, *лоз-няк*, *олешн-як*, *сосн-як*, *верб-няк* (обл.), *вишн-як* (обл.), *слив-няк* (обл.), *сорн-як*, *жит-няк*, *горч-ак*, *зелен-чак* (обл.) 'гриб; незрелое растение', *желт-як* (обл. и прост.) 'перезрелый желтого цвета огурец' и др.

Небольшая группа стилистически маркированных слов также фиксируется в толковых словарях: *наивн-як* (прост.) 'наивный, непрактичный человек', *черн-як* (разг.) 'чёрный баллотировочный шар', *сплошн-як* (разг.) 'сплошная однородная масса чего-либо' и др.

Наиболее продуктивной является группа стилистически окрашенных слов, фиксируемых в словарях разговорной речи и арго: в языке постоянно

⁶ Тезисы подготовлены при поддержке РФФИ, проект № 17-29-09131 (офи_м).

появляются новые разговорные слова с суффиксами *-ак/-як*. В словари попадают такие слова, как: *депрес-няк*, *тухл-як*, многие из них выступают в функции наречий: *поздн-як*, *точн-як*, *верн-як* [Ермакова, Земская, Розина 1999: XX–XXI]. Новые слова этой группы пока не фиксируются словарями, однако употребляются в разговорной речи: *бесполезн-як*, *бесперспективн-як*, *кризисн-як*, *договорн-як* ‘договорной матч’, *товарн-як* ‘товарищеская игра, матч’.

Отдельно стоит сказать о словах рассматриваемого словообразовательного типа с разной стилистической окраской, которые встречаются одновременно как в толковых словарях, так и в словарях разговорной речи, но с разными значениями (при этом очевидно, что в большинстве случаев это не омонимия, а полисемия). К примеру (толковый словарь vs словарь аргю): *железн-як* ‘Железная руда.’ vs ‘1. Решительный, надежный человек. 2. в зн. нареч. Точно, наверняка, во что бы то ни стало. Ты точно придешь? — Железняк’; *крут-як* ‘Обрыв, крутой отвесный склон горы или холма; крутой обрывистый берег реки’ vs ‘Что-л. яркое, специфическое, особенное’; *чист-як* ‘1. Растение сем. лютиковых с желтыми блестящими цветами (бот.). 2. То же, что чистюля (прост.)’ vs ‘1. Что-л. чистое, неразбавленное. Спирт-чистяк. 2. Полное отсутствие чего-л. В башке чистяк. Чистяк в кошельке. 3. (только ЧИСТЯК, -а). Т. н. «чистый мизер» (когда играющий при любом раскладе карт не берет ни одной взятки) в преферансе’; *товарн-як* ‘товарный поезд’ vs ‘многосерийный фильм, чаще о т. н. мыльных операх. Запустили товарняк мексиканский (начали показывать многосерийный фильм)’; *дуб-няк* ‘дубовый лес.’ vs ‘то же, что дубак 2 (холодная погода)’ и т. д. Таким образом, одна и та же лексема оказывается в разных словарях, что неудобно для пользователя. Такие примеры не единичны, и их лучше описывать в словарях по словообразовательному типу, чтобы учитывались и нейтральные, и стилистически отмеченные значения, что позволило бы проследить их лексическую общность: *железо* → *железный* → *железно* (нареч. разг.); *железный* → *железняк* (сущ. б/п и сущ. разг. в зн. нареч.). Второй вариант: давать в толковых словарях отсылку к словарю разг. речи / жаргона, так как подобные стилистически отмеченные слова часто бывают такими же употребительными в языке, как и нейтральные, — различие только в семантике и узусе. В противном случае, подобная словарная дистрибуция остается для пользователей неочевидной.

Литература

- АГ-80 — *Русская грамматика*. М., 1980. Т. I.
Елистратов В. С. Словарь русского аргю (материалы 1980–1990 гг.). М., 2000.
Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 2003.

Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016.

НСРЯ — Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Под ред. Т. Ф. Ефремовой. М., 2000. Т. 1–2.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. В 4-х томах. М., 1935–1940.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. акад. Н.Ю. Шведова. М., 2007.

Толковый словарь русской разговорной речи / Под ред. Л. П. Крысина. М., 2014–2019. Вып. 1–3.

А. Е. Цесарская (ДФУ, Владивосток)

ЯВЛЕНИЕ АВТОКОРРЕКЦИИ В УСТНЫХ ФОРМАХ РЕЧИ

В рамках настоящего исследования под автокоррекцией понимается полная или частичная корректировка уже произнесенного фрагмента речи. При этом, с точки зрения говорящего, первая и вторая вербализации соотносятся как некорректная и корректная соответственно.

Языковая природа автокоррекции предопределена таким свойством разговорной речи, как спонтанность ее протекания.

Возникновение коммуникативных затруднений в процессе порождения речи вызывает у говорящего интенцию исправить, уточнить, пояснить то, что уже было сказано. С учетом этого выделено три функционально-прагматических типа автокоррекции: автокоррекция-исправление, автокоррекция-уточнение, автокоррекция-пояснение, которые представлены модификациями и частными реализациями.

Автокоррекция отражает стремление говорящего к более точной денотации, а также к созданию у слушающего позитивного образа производителя речи. Таким образом, автокоррекция связана с проявлением языковой личности говорящего, ее лингвистических привычек и предпочтений и, шире, прагматических установок.

Конструкция автокоррекции представляет собой особое построение, конституирующими элементами которой выступают метакорректоры. Метакорректоры подразделяются на семантические, эксплицирующие тип отношений между вербализациями (*то есть, в смысле, или / либо, то ли ... то ли, вернее / точнее, нет / не ... (а), даже*), и коммуникативные, извещающие адресата о коммуникативных затруднениях адресанта (*ну, вот, ой, тьфу, блин*). Употребление метакорректоров свидетельствует об осознанном отношении говорящего к собственной речи.

Компоненты автокоррекции характеризуются наличием между ними парадигматических и синтагматических отношений. Таким образом, говорящий при продуцировании речи действует в рамках системного языкового кода, осуществляя корректировку в соответствии со своим замыслом.

Итак, автокоррекция в разговорной речи представляет собой механизм, обеспечивающий выбор языковых средств, соответствующих замыслу говорящего, и тем самым способствующий достижению эффективной коммуникации.

В. Д. Черняк, Н. П. Носова (Санкт-Петербург)

«А ЧТО У ВАС?»: ЭЛЕМЕНТЫ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ В ОБЫДЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Буратино и доктор Айболит, дядя Стёпа и Мистер Твистер, Папа Карло и Хоттабыч являются неотъемлемой частью тезауруса и прагматикона русской языковой личности и активно используются в различных дискурсивных практиках. Прочные следы культуры в структуре языковой личности во многом связаны с прочитанными в детстве книгами. Примечательно, что фрагменты детских стихотворений, написанных 100 – 150 лет назад до сих пор живут в коллективной культурной памяти и используются в современной коммуникации. Ср.: «Завтра! Завтра! Не сегодня / Так ленивцы говорят» (Б. Федоров); «Раз – два – три – четыре – пять, вышел зайчик погулять» (Ф. Миллер); «Дети! В школу собирайтесь – / Петушок пропел давно» (Л. Модзалевский); «В лесу родилась ёлочка» (Р. Кудашева).

Ассоциативные словари и ассоциативные эксперименты подтверждают укорененность лексических единиц, связанных с детским чтением, в ассоциативно-вербальной сети. Так, по данным «Русского ассоциативного словаря» реакцию *цокотуха* на стимул *муха* дали 86 из 103 респондентов. Остальные реакции тоже так или иначе мотивированы текстом стихотворной сказки К. Чуковского: →*денежка*; →*комар*; →*паук*.

Следы детского чтения в лексиконе человека проявляются в различных типах текстов: в повседневной речи, в текстах СМИ, в том числе в политическом и спортивном дискурсе и в Интернете, в художественной, в том числе и массовой, литературе. Так, например, высказывание «*Что такое хорошо и что такое плохо*» в НКРЯ представлено в 48 вхождениях, во многих случаях актуализируя ценности национального культурного кода. Ср.:

Что такое нравственность? Умение различать, *что такое хорошо и что такое плохо*. Но для кого хорошо и для кого плохо? Здесь моральному инстинкту легко ошибиться (М. Л. Гаспаров. Записи и выписки).

Прецедентные высказывания, связанные с «детскими» стихотворными произведениями, часто используются в речи в усеченном виде в качестве своеобразных слов-сигналов, которые вызывают реакцию, детерминированную прецедентным текстом и закрепленную в ассоциативно-вербальной сети благодаря ритмическому рисунку. Такие реплики в речи встречаются постоянно, их следы можно обнаружить в «Русском ассоциативном словаре»: Телефон → *бегемот*; Телефон → *слон*; Откуда → *от верблюда*; Одеяло → *убежало*. Подобные элементы ассоциативных полей свидетельствуют об их потенциальной готовности к воспроизведению в речи. Приведем пример из современного текста:

Принимаю ироничный вид.

– А вдруг – президент Германии? – Ника расправляет салфетку на коленях Анны. – Или мама, а?

– У меня зазвонил телефон, – задумчиво произношу. – Кто говорит?
– Бегемот.

Дав вариант ответа, Анна снова безучастна (Е. Водолазкин. Брисбен)

Заключительная реплика разрушает заложенный в ассоциативно-вербальной сети стандартный ответ (*Слон*), но вполне соотносится с завершающими стихотворение К.Чуковского строками и свидетельствует о том, что игровой сигнал коммуникантом принят.

Набор коммуникативных ситуаций, речевых жанров (вопрос, сожаление, поощрение, утешение, удивление и многие другие), в которых спонтанно появляются прецедентные феномены, мотивированные детским чтением (*на деревню дедушке; А король-то голый!; мамы разные нужны, / мамы всякие важны; богатынький Буратино; – Это что за остановка?; – Тише, Танечка, не плачь; Вот такой рассеянный; Ох, нелёгкая это работа т. п.*), убеждает в прочности ассоциативных связей, которые «срабатывают» в типовых условиях коммуникации. Приведем показательный пример из художественного текста: «*Мамы разные нужны, мамы разные важны*». Это стихотворение Михалкова, которое читали по куплету все советские дети на утреннике в детском саду в честь Восьмого марта, я никогда не понимала. Бойко тараторила про маму-вагоновожатого и не понимала – как это бывает? Мама-повар? Да, наверное, кому-то повезло. Кто трусы ребятам шьет? Точно не моя мама (*Маша Трауб. Истории моей мамы*).

В этом фрагменте воссоздается «пожизненная» закреплённость фрагментов детского стихотворения в языковом сознании (отметим характерную замену прилагательного *всякие* на синонимичное *разные* – подобные трансформации прецедентных феноменов встречаются очень часто).

Т. О. Шаврина (Москва, НИУ ВШЭ, Сбербанк),
О. Н. Ляшевская (Москва, НИУ ВШЭ)

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ НА КОРПУСАХ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ КАК НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

С развитием современных технологий лексикография обогащает свой инструментарий и методологию исследований – так произошло, например, с развитием национальных, а затем и интернет-корпусов. В настоящий момент прикладная наука разработала новые подходы к оперированию большими объемами текстов – векторные модели, хранящие в себе сжатую информацию о контекстах слов в корпусе, на котором они построены. К таким моделям можно отнести, например, word2vec [1], GloVe[2], Fasttext [3], построенные на принципе “у слов, близких по смыслу, будут схожие контексты в корпусе”. Под контекстом слова в данном случае подразумеваются словоформы, предшествующие и следующие за словом в

тексте, в границах окна заданной длины (например, 5 или 7 слов справа и слева).

Если корпусная выдача способна дать лексикографу информацию о свойствах частных языковых явлений (хотя и разных уровней - от частотности и сочетаемости лексемы, до свойств дискурсивных единиц), то векторные модели дают исследователю более высокоуровневый инструментарий исследования лексики – с их помощью возможно увидеть свойства сочетаемости лексических групп. Например, чтобы посчитать, какие слова в современном русском языке обладают самыми стабильными (неразнообразными) контекстами (т.е. сочетаемостью) независимо от жанра и стиля текста, а также особенностей автора, в рамках традиционного корпусного подхода необходимо было бы 1) разбить несколько корпусов русского языка на предложения, затем разбить эти предложения на слова; 2) собрать всю статистику о совместной встречаемости каждого слова с каждым другим в пределах одного предложения; 3) на основании данных частот выбрать группы лексики, для которых характерно наименьшее разнообразие слов-соседей, и набор этих соседей наиболее устойчив к смене корпуса (при обучении модели эти операции так и проводятся).

За простыми алгебраическими операциями, которые производятся над подобными векторами слов: сложение, вычитание, поиск N ближайших соседей по координатам и т. д. – скрывается инструментарий, визуализирующий новые лексические отношения слов относительно друг друга – построенные на контекстах семантические карты русского языка ⁷ [4].

С использованием инструментария моделей word2vec для русского [4] и английского языка было обнаружено, что такие пласты английской и русской лексики, как названия профессий, национальностей, топонимы, качества личности, временные сроки, обладают наибольшей независимостью от смены модели и сохраняют свое положение относительно коллокатов — то есть имеют наиболее устойчивые контексты независимо от корпуса (Национальный корпус, Википедия, интернет-корпуса, см. подробнее [5]).

Доля устойчивых коллокатов для каждого слова также показывает, что лексика из списка Сводеша обладает в среднем более устойчивыми контекстами, чем случайная выборка или частотная лексика. При этом слова тех же лексических категорий (названия животных, базовых продуктов питания...) не включенные явно в список Сводеша, показывают очень близкое к ним поведение на корпусах: так, для русского языка потенциальные кандидаты на дополнение базового списка - *родственные связи*: “брак”, *продукты питания*: “персик”, “форель”, “карп”, *звуки*: “рокот”, “шуршание”, “гул”, “жужжание”, “рык”.

Начиная с 2018 года для английского и русского языков появились так называемые универсальные модели, обученные на очень больших корпусных данных и обладающие самой полной на настоящий момент информацией о

⁷ <https://rusvectors.org/ru/visual/>

распределении слов в языке, морфологии и синтаксисе. Одна из первых таких моделей, BERT [6], для русского языка показывает впечатляющий результат на уровне предложений – если с ее помощью получить векторные представления слов в предложении и затем получить среднее этих векторов, то средние данные предложений обладают следующим свойством: при подборе наиболее близких друг к другу предложений из корпуса выводятся предложения, похожие на переданный пример:

1. по теме – более чем в 60% случаев;
2. по типу источника (роман, новости, аналитика, биография...) – более чем в 77% случаев;
3. по формальности/ неформальности текста – более чем в 85% случаев;
4. по длине – для всех случаев, с возрастающим отклонением по мере увеличения длины предложения.

Пример 1: *“Они решили сделать ложь правдой, а правду — ложью.”*

Подобранная пара: *“Сложности и ложь — это однокоренные слова.”*

Пример 2: *“Эти числа являются кубическими вычетами по mod 19, а оставшиеся 12 чисел — кубическими невычетами.”*

Подобранная пара 2: *“Не следует путать с центрированными полигональными числами — классом фигурных чисел.”*

Потенциально универсальные модели способны применяться к новым корпусам без дообучения – для автоматического подбора примеров по образцу и с заданными свойствами, лексическими и семантическими.

Таким образом, новейшие универсальные модели можно считать продолжением развития идеи дистрибутивной семантики и использовать их для построения инструментов, лучше отражающих живой, изменяющийся язык в его многообразии смыслов и контекстов.

Литература

Mikolov, T., Chen, K., Corrado, G., Dean, J. Efficient estimation of word representations in vector space. 2013.

Pennington, J., Socher, R., Manning, Ch. D. GloVe: Global Vectors for Word Representation. 2014.

Bojanowski, P., Grave, E., Joulin, A., Mikolov, T. Enriching Word Vectors with Subword Information. Transactions of the Association for Computational Linguistics. Vol. 5. 2017.

Kutuzov A., Kuzmenko E. WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. In: Ignatov, D. et al. (eds) Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science, vol 661. Springer, Cham. 2017.

Shavrina, T. Word vector models as an object of linguistic research. in proc. Dialogue-2019, Moscow, 2019.

Devlin, J., Chang, M.-W., Lee, K., and Toutanova, K. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. 2018.

РЕПЛИКИ-ПОВТОРЫ И КОММУНИКАТИВЫ

Русская бытовая коммуникация очень полемична. Даже соглашаясь по сути, собеседник часто оформляет речь, используя экспрессивные стратегии борьбы с целью уколоть собеседника, продемонстрировать его наивность, неопытность, неточность и т.д. Для этого выработаны разнообразные стратегии с воплощающими их экспрессивными конструкциями. Н. Ю. Шведова в [Шведова 1960] рассматривает группу реплик-повторов, содержащих элемент реплики собеседника и выражающих его оценку говорящим. Автор пишет, что такие реплики передают разнообразные оттенки негативного отношения к предмету речи. Можно добавить, что легкая негативность в репликах-повторах может касаться и собеседника. Ср.:

(1) — *Ты все это сам сделал? — Какое сам!*

(Конечно не сам, а ты наивен, предполагая возможность этого).

(2) — *Страшно? — А то не страшно?!*

(Конечно страшно, а ты наивен, предполагая возможность иного).

Частое использование данной стратегии в повседневной речи может приводить к стереотипизации синтаксической модели, и как следствие – к ее упрощению через эллипсис компонентов, связанных с конкретным контекстом. Такие компоненты могут либо заменяться на универсальные, подходящие для любой типовой ситуации, либо вообще выпадать. В результате происходит превращение ответной реплики диалога в устойчивую формулу с определенным прагматическим значением и более широкими условиями для использования – коммуникатив [Шаронов 2015]. Ср. ответные реплики в примерах (1) и (2), жестко связанные с конкретным контекстом, и в примерах (3) и (4), где они могут быть использованы с тем же интенциональным значением и коннотациями в ответ на бесконечный ряд стимулирующих реплик.

(3) — *Ты все это сам сделал? / Он ходил на лекцию? Они поедут на дачу? — Какое там!*

(4) — *Страшно?/ Они все-таки приехали? Он, наверное, согласится. — А то нет / А то!*

В докладе будут рассмотрены коммуникативы *Мало ли что* и *Да что там*, их происхождение из реплик-повторов, семантика и дискурсивные возможности.

Литература

Шаронов И. А. Поиск и описание коммуникативов на основе национального корпуса русского языка // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М., 2015.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ШКОЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ЗАДАНИЙ ОГЭ и ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ)

Выпускные экзамены по русскому языку в средней школе (ОГЭ и ЕГЭ) включают в себя задания, в которых проверяется уровень овладения учащимися средствами выразительности речи. Последние включают в себя довольно широкий список художественных приёмов: разнообразные тропы, синтаксические и лексические средства, а также стилевые разновидности речи. Учащиеся должны уметь находить разговорные слова и фразеологизмы в тексте и/или подбирать нейтральный синоним к разговорному слову. Например:

Укажите варианты ответов, в которых средством выразительности речи является разговорная лексика.

- 1) Их режиссер верит, что из неё получится толк.
- 2) Предположим, ты кончила театральный и попала на сцену.
- 3) Ну, вот спросите его, - актриса кивнула на меня.
- 4) – Тут нет двух мнений, - бубнил я.
- 5) Я ещё нёс свою галиматью, а её уже не было рядом⁸.

или:

Укажите варианты ответов, в которых указаны средства выразительности речи, использованные в предложении:

Я спокойно проспиргал какой-то глагол, отбарабанил предлоги, требующие дательного падежа, прочёл по учебнику тошнотворную назидательную историю и пересказал содержание.

- 1) книжная лексика
- 2) эпитет
- 3) гипербола
- 4) фразеологизм
- 5) разговорная лексика⁹.

или

Из предложений 27–32 [приведенного выше текста] выпишите разговорное слово¹⁰.

⁸ ОГЭ 2020. Русский язык: тренировочные варианты. 40 вариантов / А.Ю. Бисеров. – М: Эксмо, 2019.

⁹ Там же.

¹⁰ ЕГЭ–2020 : Русский язык: 40 тренировочных вариантов экзаменационных работ для подготовки к единому государственному экзамену / Е.С. Симакова. – Москва: Издательство АСТ, 2019.

Задания для выпускников построены исключительно на основе художественных текстов (за очень редким исключением – публицистических). В них представлена преимущественно «нейтральная» разговорная лексика (напр., *возиться, цапнуть, галиматья*), а также слова, которые имеют стилистическую помету *сниженное* (напр., *отбрыкаться*). Встречаются также разговорные слова, которые в современных толковых словарях имеют помету *устаревшее* или *уходящее* (напр., *проработать* – «подвергнуть жёсткой критике кого-л.»¹¹).

Зачастую подобные задания вызывают серьёзные затруднения у учащихся, они не всегда чувствуют разговорные слова, нередко определяя их как нейтральные или даже книжные. Причины этого лежат не только в падении интереса к чтению (мало читают – отсюда невысокий словарный запас, незнание значений слов) и в малом количестве учебного времени на отработку стилистических тем (тема «Стили речи» изучается, как правило, в 5–6 классе и к 9–11 классу обычно хорошо забывается). Одной из главных причин, на наш взгляд, является то, что разные поколения по-разному оценивают стилистическую окраску одних и тех же слов. То, что для составителя экзаменационных заданий является «родным и понятным», для современных школьников может быть непонятным вовсе по причине того, что ушла реалья, которую называло разговорное слово, или потому, что слово перестало употребляться в живом общении, в кругу детей и подростков и т. п.

Методика подготовки к данным заданиям, на наш взгляд, должна заключаться прежде всего в объяснении особенностей разговорной речи и границ её использования¹², в систематической работе с толковыми словарями, что станет залогом успешного выполнения ОГЭ и ЕГЭ и поможет предотвратить речевые ошибки в сочинениях и в речи учащихся.

Л. Л. Шестакова (Москва, ИРЯ РАН)

РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА В СОСТАВЕ АВТОРСКОГО СЛОВАРЯ¹³

Стилистическое многообразие лексики, характерное для художественных текстов, находит отражение в авторских словарях разных типов и жанров. Представлены в них и разговорные единицы как часть лексикона произведений русской прозы и поэзии.

В полных (или относительно полных) по составу толковых писательских словарях, предусматривающих стилистическую характеристику слов,

¹¹ Толковый словарь русской разговорной речи / Под ред. Л.П. Крысина. М., 2017.

¹² Сиротинина О. Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи: Пособие для учителя. М., 1996.

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-29-09063 офи_м.

отмечается следование традиции, т. е. маркирование разговорных лексем пометой *разг.* См., напр.: «Словарь языка Арсения Тарковского» [Воронова 2004–2014], «Словарь языка Есенина. Художественная проза» [Шипулина 2015]. В первом из названных словарей, как и в подобных ему, стилистические пометы выполняют двойную функцию – с одной стороны, они структурируют в стилистическом отношении лексикон автора, с другой – выступают маркерами определенных черт его идиостиля. Как показывают материалы словаря, лексемы с пометой *разг.* образуют отдельный пласт лексикона Тарковского, соотносимый с конкретной чертой стиля поэта – склонностью, при разработке определенных тем (дома, семьи, тяжелых жизненных обстоятельств), к выбору сниженных лексических средств. См., напр.: **ВЕСТИСЬ** <...> (1) *Разг.* Быть в обычае. Вот оно как **ведется** в декабре у хозяек! («Пес дворовый с улицы глядит в окошко...»); **КИЛО** <...> (1) *Разг.* Килограмм. // Бомба в сто **кило**, земля черным-черна, Был дом, нету дома. Что делать, война! <...> («Здесь дом стоял. Жил в нем какой-то дед...»).

В дифференциальных авторских словарях, представляющих отдельные стилистические пласты лексики, разговорные единицы описываются обычно в совокупности с просторечными и областными словами, что передается определениями «народно-разговорная», «внелитературная» лексика (см., напр., [Марканова 1968]). Это имеет определенный смысл, поскольку в рамках творчества автора или его отдельного произведения такая лексика составляет единый, функционально нагруженный массив слов. Неслучайно лексемы, образующие разговорную составляющую этого массива, сопровождаются не только «чистой» пометой *разг.* (выступающей и в сочетании с эмоционально-экспрессивными пометами), но и составными пометами *разг.-фам.*, *прост.-разг.* и т. п. Приведем для примера «Словарь внелитературной лексики в “Царь-рыбе” В.П. Астафьева» [Падерина, Самолик 2008]. В описании стилистически доминантного для данного текста лексического пласта используются пометы *диал.*, *прост.*, *жарг.* и др., а также *разг.* и *прост.-разг.* Вторая из пары помет поясняется кратко: «просторечно-разговорное (слово)» и, вероятно, характеризует стилистическую «пограничность» слова. К лексемам с такой пометой отнесены, напр., глаголы *стронуть* (‘выгнать, сдвинуть’) и *стронуться* (‘сдвинуться с места’). В этом словаре, в отличие от рассмотренного выше, предусмотрено указание на употребление слова тем или иным субъектом речи. Первый глагол встречается в речи (в том числе несобственно прямой) персонажей, а также в авторской речи; второй – только в речи автора. Ср.: *Пятеро детей на плоту, есть нечего, помощи ждать неоткуда – раз стронули людей с места, сдвинули одних туда, других сюда на погибель – какая уж помощь?* (228-УБ (рассказ «Уха на Боганиде»), *переселенка*); – *Ох, Акима, Акима! – Мороз стискивал горло, перехватывал дыханье. <...> – От самолета махали рукой, но Эля никак не могла заставить себя стронуться с места.* (385-С [(рассказ «Сон о белых горах»), *автор*]).

Интерес представляют и другие аспекты темы, которые предполагается рассмотреть в докладе: фиксация разговорной окраски лексических единиц в синонимическом авторском словаре [Опыт 2000], применение пометы *разг.* к индивидуально-авторским новообразованиям [Никульцева 2008], объем и состав разговорной лексики в сводном авторском словаре [СЯРП].

Литература

Воронова Т. А. Словарь лирики Арсения Тарковского. Ч. I–III. Воронеж, 2004–2014.

Марканова Ф. А. Словарь народно-разговорной лексики и фразеологии, составленный по собранию сочинений И. С. Тургенева. Ташкент, 1968.

Никульцева В. В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина. М., 2008.

Опыт синонимического словаря языка А. С. Пушкина. Вып. 1 / Под ред. В.А. Гречко. Н. Новгород, 2000.

Падерина Л. Н., Самотик Л. Г. Словарь внелитературной лексики в «Царь-рыбе» В. П. Астафьева. Красноярск, 2008.

СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–VIII / Отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. М., 2001–2019.

Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Художественная проза. В 2 т. Баку, 2015.

К. М. Шилихина (Воронеж,
Воронежский государственный университет)

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ И УСЛОВИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ КОНСТРУКЦИЙ *СТРОГО ГОВОРЯ*, *СОБСТВЕННО (ГОВОРЯ)* В УСТНОЙ РЕЧИ, В КОРПУСЕ И В СЛОВАРЕ

В докладе рассматривается функционирование конструкций *строго говоря*, *собственно говоря* и анализируются их словарные описания. Данные конструкции используются в речи в функции маркеров, с помощью которых говорящий акцентирует внимание на определенном компоненте высказывания или на фрагменте описываемой ситуации. Цель работы – охарактеризовать условия употребления этих конструкций и показать различия в их семантике. Исследование проводилось на материале основного, газетного и устного подкорпусов НКРЯ, транскриптов радиопередач и толковых словарей русского языка.

Конструкции *собственно говоря* и *строго говоря* отражают рефлекссию говорящего относительно содержания высказывания и/или способа выражения мысли. Отметим, что рефлексивные маркеры являются необходимым компонентом дискурса, поскольку с их помощью говорящий не только структурирует сообщаемую информацию, но и направляет процесс понимания сказанного.

В словарях *собственно* описывается как вводное слово или частица; описание может сопровождаться указанием на трудность разграничения этих употреблений¹⁴. Конструкция *собственно говоря* объясняется через синонимичные *строго говоря*, *в конечном счете*, *в сущности*, *вообще*, *в действительности* и др. Таким образом, словарное описание сводится к перечислению синонимов, но не включает описание условий, при которых употребление этого маркера является уместным или необходимым.

Более того, вводные конструкции *собственно говоря* и *строго говоря* в словарях и справочниках используются для перекрестного толкования друг друга. Однако анализ показывает, что далеко не всегда эти конструкции синонимичны и, следовательно, взаимозаменяемы. Поэтому анализ большого количества употреблений этих конструкций в устной и письменной речи позволяет описывать тонкие смысловые различия между ними.

Приведем несколько примеров употребления маркера *собственно говоря*:

[1] *М. Шевченко – ... Причем Мурат Мусаев, адвокат, который защищал обвиняемых, говорит, что человек, который убивал, на видео не похож на того, кого обвинили в убийстве, собственно говоря. То есть там есть сомнения.* [<https://echo.msk.ru/programs/personalno/2514473-echo/>].

[2] *Юрий Жирков приложился с лета с линии штрафной по мячу, и тот пушечным ядром влетел в девятку – пожалуй, это был один из самых красивых голов в истории сборной России. Собственно говоря, на этом наши играть в футбол закончили* [НКРЯ].

[3] *Ну и, конечно, ближе к финалу возникнет президентский обед-реванш, который пройдет так плохо, что это, в конечном итоге, окажется хорошо. Вот, собственно говоря, и всё* [НКРЯ].

Уже этот небольшой ряд примеров показывает, что конструкция *собственно говоря* многофункциональна: она может не только акцентировать внимание адресата на определенном фрагменте информации (пример 1), но и обобщать, сжимая логическое рассуждение (пример 2), или завершать информационный блок сообщения (пример 3).

Дальнейший анализ сосредоточен на описании условий употребления конструкций *собственно говоря* и *строго говоря*, проводится сопоставление их использования в устном и письменном дискурсе, описываются случаи, когда данные конструкции не являются взаимозаменяемыми.

А. Д. Шмелев (Москва, ИРЯ РАН)

¹⁴ Словарь-справочник по пунктуации. – Москва: Справочно-информационный интернет-портал ГРАМОТА.РУ. В. В. Свинцов, В. М. Пахомов, И. В. Филатова. 2010.

РАЗГОВОРНЫЕ И ПРОСТОРЕЧНЫЕ «ОБЩИЕ» СЛОВА В НОРМАТИВНЫХ СЛОВАРЯХ

В докладе рассматривается употребление существительных с самым общим значением (таких, как *штука*, *штуковина*, *штукенция*, *хреновина*, *фиговина* и т. д.) в русской разговорной речи и просторечии и проблемы отражения в нормативных словарях особенностей их семантики и сочетаемостного и синтаксического потенциала (доклад развивает некоторые идеи, высказанные в статье [Шмелев 2000]).

Описания в реально существующих словарях, как правило, не дают адекватного представления ни об их семантике, ни об особенностях их употребления в речи. Когда-то Л. А. Капанадзе [Капанадзе 1973: 453] отмечала постоянный захват полнозначных существительных в группу слов с «неопределенно-указательным значением», причем указывала на непрерывное обновление этой группы в разговорной речи за счет индивидуальных употреблений, а также благодаря экспрессивным модификациям одного и того же слова: не только *штука*, но и *штучка*, *штукенция*, *штуковина* и т. п. В силу этого в разговорной речи и особенно в просторечии полнозначные слова могут функционировать как «неопределенно-указательные» (напр. при обозначении лиц при помощи таких существительных, как *субъект*, *товарищ*, *тип*, *друг*, *деятель*, *кекс*, *перец* и т. п.). Соответствующая информация часто не учитывается существующими словарями. При этом следует иметь в виду, что степень употребительности каждого из таких наименований и их стилистическая окраска подвержены изменениям на протяжении относительно небольшого периода времени.

Использование современных корпусных данных и, в частности, данных параллельных корпусов, позволяют уточнить не только описания рассматриваемых единиц в существующих словарях, но и утверждения, сделанные в посвященных им лингвистических работах. Тем самым они создают базу для новых, более адекватных словарных описаний. При этом ценную информацию можно извлечь не только их переводов русских текстов на иностранные языки, но и в еще большей степени из использования этих единиц в переводах на русский язык.

Некоторые проблемы лексикографической фиксации полученных данных все равно остаются. В частности, специального исследования требует установление сферы употребления каждой из единиц (просторечное, разговорное или, может быть, ставшее общеупотребительным) и особенностей ее сочетаемости. Отдельную проблему составляет формулировка их толкования в толковых словарях. Дело в том, что значения этих слов представляются настолько «бедными», что бывает затруднительно установить, какие дополнительные смыслы они содержат по сравнению с соответствующими «семантическими примитивами». Однако детальный анализ позволяет выявить в их семантике нетривиальные семантические компоненты.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВНИКА «ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ТЕЗАУРУСА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА»

В повседневной речи носителей русского языка часто встречаются цитаты или квазицитаты, аллюзии, реминисценции, прецедентные имена и события, которые в самом общем смысле можно назвать *интертекстуальными единицами*. Существующие страноведческие и фразеологические словари, словари крылатых слов и цитат из литературы, кинематографа и др. по целому ряду параметров не отражают интертекстуальную компетенцию современного россиянина: с одной стороны, в словники этих словарей включены устаревшие и мало употребительные единицы, с другой стороны, в них не нашли отражения многие широко употребительные в повседневной речи выражения, новые крылатые слова и интернет-мемы. Поэтому актуальной лексикографической задачей является составление словаря интертекстуальных единиц повседневной русской речи конца XX – начала XXI века. В настоящее время ведется работа над таким словарем – «Интертекстуальным тезаурусом современного русского языка» [М. М. Вознесенская, О. В. Фокина, Е. Я. Шмелева]. Создается одновременно книжный вариант словаря и мультимедийная версия. Разработана структура словарной статьи, составлен предварительный словник, состоящий из 1000 наиболее частотных единиц, отобранных на основе анализа больших массивов текстов современной литературы, СМИ, разговорной речи и Интернета. При работе над словником «Интертекстуального тезауруса» мы столкнулись с целым рядом проблем, по-видимому, общих для словников толковых словарей повседневной и разговорной речи. Набор интертекстуальных единиц не одинаков у представителей разных поколений и социальных групп, а также может иметь региональные и индивидуальные особенности. Как кажется, в советское время вариативность была гораздо меньшей. Обычный средний носитель советской лингвокультуры с легкостью опознавал цитаты или квазицитаты, источник которых – входившие в обязательную школьную программу классические тексты русской и мировой художественной литературы (стихи А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, басни И. А. Крылова и т.п.), изучавшиеся на уроках истории и в университетских курсах марксизма произведения В.И. Ленина, советские комедии 1960-1970-х гг., эстрадные песни 1980-х гг., анекдоты и названия телепередач. Однако в последние годы происходят значительные изменения фоновых знаний носителей русского языка. Преподаватели постоянно сталкиваются с тем, что школьники и студенты не опознают очевидных с их точки зрения цитат, тем самым не вполне понимают не только адресованные им тексты лекций и учебных пособий, но

и тексты произведений современной литературы и СМИ. 25 сентября 2006 года в газете «Коммерсант-Власть» был опубликован шуточный тест на «русскость», в котором был задействован интертекстуальный тезаурус среднего россиянина, родившегося в СССР. Читателям предлагалось, например, вставить пропущенные слова во фразы *Этот <> у нас песней зовется, Ларису <> хочу, Течет моя Волга, а мне <> лет, Мы придем к победе <> труда, Не шалю, никого не трогаю, починяю <>*, числительные во фразы *<> тополя на Плющихе, <> Бакинских комиссаров* и др. Большинство читателей газеты легко справились с вопросами, однако среди тех, кто проходил сетевую версию теста на сайте «Коммерсанта», 67,4% не сумели преодолеть первый уровень, а справившихся с вопросами четвертого и пятого уровней в сумме было 1,5%. И дело не в сложности вопросов, а в специфике интернет-аудитории, в массе своей принадлежащей к новому поколению. С 2006 года разрыв между интертекстуальным тезаурусом «бумеров» и «миллениалов» только увеличился, увеличилась и скорость изменений в наборе интертекстуальных единиц. Так, бóльшая часть интернет-мемов, включенных в «Словарь языка интернета.ru», вышедшего в свет в 2016 году, уже не опознаются двадцатилетними пользователями Интернета в 2019 году или воспринимаются как устаревшие. В докладе будут рассмотрены пути решения этой проблемы, в частности, мы предлагаем ввести помету *млад./стар.*

А. А. Юнаковская (Омск)

ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ОСНОВНЫЕ ТИПЫ СЛОВАРЕЙ

Понятие «повседневность», актуализированное в середине XX в., является междисциплинарным. В науке оно понимается как 1) процесс «переплавки», уничтожающий основания культурных и социальных различий [Б. Вальденфельс и др.], 2) негативное явление [М. Вебер, А.Ф. Лосев, Е. В. Золотухина-Аболина и др.], 3) феномен культуры (на основе сравнения с другими знаковыми системами той же национальной культуры) [А. Щюц, Д. Лукач, П. Бергер, Т. Лукман, Л. М. Чулкина и др]).

Можно предложить лингвистическое видение основных понятий данной научной сферы. Так, сам процесс взаимодействия в повторяющихся ситуациях дома и вне его попадает под понятие «городские повседневные речевые практики».

Повседневную городскую коммуникацию определяют следующие экстралингвистические условия: *усредненность* понятий, *стереотипность* осуществления коммуникации, *полуофициальный / неофициальный характер* общения и *непосредственное участие партнеров в коммуникации* (*интерактивность: полная, частичная, неполная, нулевая*),

информативность (основная и дополнительная, полная и скрытая и т. п.) и т. п.

Повседневная речь жителей города имеет две формы: устную (естественная устная речь), письменную (естественная письменная речь) [Н. Б. Лебедева, Е. С. Золотова и др.], представленную в записках, дневниках, частных письмах, рецептах, городских надписях и т. п.

Коммуникация осуществляется в «неконфликтной» и «конфликтной» сферах с набором «собственных» единиц.

Для «неконфликтной» коммуникации используются частотные единицы: 1) стандартизованные единицы, образующие ядро повседневного фонда; 2) нейтрально-номинативные единицы с конкретным и суженным значением (в полуофициальной и официальной ситуациях); 3) единицы разной степени стереотипности (для «домашнего» и «околодомашнего» общения).

Для «конфликтного» взаимодействия используются стереотипные единицы, обладающие выразительностью для усиления воздействия.

В русистике остается актуальным выдвинутое Б. А. Лариным в 1928 г. положение о том, что к изучению языка города следует подходить как к «отдельной, самостоятельной сущности». Одним из методов описания городской повседневной речи является лексикографический: представление собранного материала в алфавитном или тематическом порядке.

Для описания повседневности на языковом уровне возможно использование различных лексикографических практик.

Основу изучения повседневной коммуникации составляют речевые произведения, оформленные в определенный тип текста, поэтому хрестоматии могут представлять повседневный материал на разных основаниях. Например, учитывая, «категорию чуждости» (т.н. Саратовской ЛШ), отражающую степень «отдаленности» или «близости» коммуникантов («чужой», «чужой свой» (знакомый), «свой свой» (родной), «свой»), возможно расположение повседневных текстов с точки зрения конфликтного или неконфликтного взаимодействия.

На основе сплошной выборки единиц из образцов повседневной речи возможно создание *полного* словаря (*Словаря русской повседневной речи*). В случае отбора единиц жителей одного города или ряда городов строится *региональный* словарь. При отборе наиболее типичных единиц городской повседневной речи формируется словарь *дифференциального* типа. При представлении употребления наиболее частотных повседневных единиц существует возможность создания частотного словаря, отдельных лексико-семантических групп – *лексико-семантического* словаря.

Повседневность является пластом культуры. Отраженные в языке события повседневной жизни могут лечь в основу словарей, которые позволяют представить мир повседневности и ее концептосферы на базе отдельных концептов или их объединений. Анализ архивных документов также позволяет создать исторический словарь повседневности.

Итак, описание повседневной городской речи может осуществляться словарями разных типов.

Т. Е. Янко (Москва, ИЯ РАН, ИРЯ им. А.С. Пушкина)

ПРОСОДИЯ ВОПРОСОВ С *ДАВНО*, *ДОЛГО* И *ДАЛЕКО*¹⁵

В русских вопросительных предложениях иллокутивная сила вопроса маркируется следующими основными способами. Вопросы без вопросительного слова, или общие вопросы (*да-нет-вопросы*), маркируются с помощью вопросительной просодии, а именно: интонационной конструкцией ИК-3 (по Е. А. Брызгуновой [1982: 111]), которая фиксируется на акцентоносителе вопроса. Поясним, что ИК-3 характеризуется подъемом частоты основного тона на ударном слоге словоформы — акцентоносителя вопроса, причем за падением происходит резкое падение частоты тона голоса на заударных слогах, если они есть. Вопросы же с вопросительным словом, или т.н. частные вопросы, маркируются с помощью вопросительных слов *что?*, *где?*, *когда?*, *какой?*. Имеется также тип общих вопросов, в которых иллокутивная сила маркируется с помощью вопросительной частицы *ли*. В вопросах с вопросительными словами и вопросительной частицей просодия не служит средством выражения иллокутивной силы, а играет лишь формирующую роль.

Цель данной работы — анализ вопросов, которые ранее, насколько нам известно, не подвергались специальному рассмотрению и в которых отсутствуют (или могут отсутствовать) как интонационная конструкция ИК-3, так и вопросительное слово. Это вопросы с наречиями времени и пространственного расположения *давно*, *далеко*, *долго*, *издалека*: *И давно вдоветь изволите?*; *Издалече идешь?* *И давно ты на фронте?* [Мультимедийный подкорпус НКРЯ].

С функциональной точки зрения эти вопросы эквивалентны вопросам с вопросительным словом (*Сколько времени вы вдовеете?*; *Откуда ты идешь?*; *Сколько времени ты на фронте?*). С просодической же точки зрения эти вопросы характеризуются интонационной конструкцией ИК-4 в исходе вопроса. В примерах это словоформы *вдоветь*, *идешь* и *фронте*. ИК-4 характеризуется падением или ровным низким тоном на ударном слоге акцентоносителя плюс подъем на заударных слогах, если они есть [Брызгунова 1982: 97–122]. Если заударных слогов нет, интегральное нисходяще-восходящее движение частоты тона фиксируется на единственном или конечном слоге словоформы-акцентоносителя. В работах

¹⁵ Работа поддержана РФФ (проект 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемый в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина).

по русистике ИК-4, в отличие от ИК-3, как маркер вопроса обычно не рассматривается.

Работа иллюстрирована примерами, источником которых служит Мультимедийный (звучащий) подкорпус Национального корпуса русского языка. Примеры сопровождаются графиками частоты основного тона, демонстрирующими просодические параметры анализируемых предложений.

Литература

Брызгунова Е.А. (1982) Интонация // Русская грамматика. Том 1. М., 1982.

Янурик Сабольч (Будапешт)

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ-АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

В современной русской лексикографии новым глаголам с иноязычной основой не уделяется много внимания. Это связано с тем, что в русском литературном языке английские заимствования, пополняющие класс глаголов, немногочисленны. В то же время в повседневной речи количество заимствованных глаголов значительно больше, поэтому для анализа новой глагольной лексики английского происхождения целесообразно обратиться не только к толковым словарям русского языка и словарям иностранных слов, но и к справочникам неологизмов и словарям разговорной речи и жаргонов.

В настоящем докладе рассматриваются некоторые вопросы лексикографического представления новых глаголов-англицизмов, появившихся в русском языке в последние два-три десятилетия. В центре нашего внимания стоят такие проблемы, как определение вида и двувидовость при словарной фиксации глаголов с иноязычной основой, разграничение семантических оттенков однокорневых глаголов СВ с разными приставками и подача сведений о грамматических формах (особенно о форме 1 л. ед. ч.) отдельных заимствованных глаголов.

В русском языке последних лет в оформлении иноязычных глагольных основ используются не только суффиксы литературного языка *-ирова-* и *-изирова-*, но и другие словообразовательные единицы. С помощью суффиксов *-а-* и *-ну-* создаются видовые пары *кликать – кликнуть*, *хакать – хакнуть* и др. Распространенным является также суффикс *-и-*, который участвует в образовании как глаголов НСВ (наряду с их приставочными видовыми парами: *банить – забанить*, *постить – запостить* и др.), так и двувидовых глаголов (например, *ангрейдить*). При этом двувидовость преимущественно характерна для иноязычных глаголов с суффиксом *-ирова-* (*инсталлировать*, *сканировать*). Однако, по данным новейших

лексикографических изданий, биаспективы *ангрейдить* и *сканировать* – с появлением префиксальных перфективов *проангрейдить* и *отсканировать* – постепенно переходят в разряд имперфективов. О неустойчивости категории двувидовости свидетельствуют противоречивые словарные фиксации глагола *сканировать*: «несов.» (СТС) – «сов. и несов.» (ТСРЯ-XXI), а также одновременная регистрация в последнем словаре и глагола СВ *отсканировать*.

Однокорневые префиксальные перфективы часто представлены в словарях в виде синонимов (ср. *запринтить, напρινтить, отпρινтить* – к *принтить*; *отфрендить* и *расфрендить* – антонимы к *зафрендить*). В то же время у других приставочных глаголов-англицизмов можно различить определенные оттенки значения: ср. *нагулнить* ‘отыскать что-л. в интернете в результате целенаправленных поисков’ и *погулнить* ‘поискать информацию в интернете, используя поисковые системы’ (КСИЯ); *отсканировать* ‘ввести изображение в компьютер при помощи сканера’ и *просканировать* ‘1. последовательно просмотреть; 2. систематически обследовать (данные)’ (МКТС).

При описании грамматической характеристики некоторых заимствованных глаголов возникает вопрос о подаче формы 1 л. ед. ч. Это касается особой группы глаголов с суффиксом *-и-*, иноязычный корень которых оканчивается на *-д-* или *-т-*. В современной русской лексикографии наблюдается три различных способа решения данной проблемы: 1) наличие сведений о рассматриваемой форме глагола: «*ангрейдить, -ейжу, -ейдишь*» (РНН); 2) отсутствие такой информации: «*ангрейдить, -дишь, -дит*» (ТСРЯ-XXI); 3) специальная оговорка составителя словаря: «*ангрейдить, 1 л. нет*» (СТС). Так же ведут себя и другие глаголы-англицизмы с аналогичной морфологической структурой: ср. *бутить, постить, принтить, чатиться, зафрендить* и т. д. Вопрос о лексикографическом представлении данных глаголов в рассматриваемом аспекте остается открытым.

Литература

- КСИЯ – Хайдарова В. Ф. Краткий словарь интернет-языка. М., 2012.
МКТС – Ваулина Е. Ю. Мой компьютер. Толковый словарь. М., 2003.
РНН – Улуханов И., Хебекер Х., Беленчиков В., Беленчикова Р. Русско-немецкий словарь новых слов. М., 2007.
СТС – Кузнецов С. А. (ред.) Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001.
ТСРЯ-XXI – Складневская Г. Н. (ред.) Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М., 2006.